

Б Е Г И, Д У Ш А М О Я, Б Е Г И... (МОСТ)

1.

Страна Аpsны зародилась на западном побережье Кавказа еще в ту достопамятную пору, когда древние греки называли Черное море Понтом Эвксинским. В ясные летние дни этот дивный край субтропиков со стороны водной глади выглядит на фоне лесистых гор сказочным фрегатом под парусами цвета изумруда.

Жизнь на земле абхазов веками проистекала то размеренными потоками благоденствия, то бурными водоротами борьбы за самосохранение. Но вопреки всем невздам, здесь, под бескрайним южным небом голоса людские, водной стихии и горного эха, сливаясь воедино, всегда звучали песней неиссякаемой надежды. Так бывало во все времена, так было и в тот беспокойный девяносто второй год двадцатого столетия, когда над Абхазией нависла черная тень неотвратной беды...

Ещё задолго до заката над дальними холмами, где раскинулось сопредельное государство, нависла в едва уловимом парении грозовая туча. Она, подобно брюхатой, серой буйволице, притаившейся в небесах, будто собралась опроститься над приморьем холодным, всесокрушающим ливнем.

На окраине лесной поляны приткнулась к низкорослым кустарникам бревенчатая хижина егеря. Смотритель кордона – русобородый, крепко сбитый мужчина славянского обличья, лет пятидесяти, покуривая сигарету, сидит на завалинке. У его ног дремлют, беззаботно позёвывая, пара молодых овчарок и взрослая самка. Здесь же, невдалеке в зарослях шиповника, присел на задние лапы и неотрывно смотрит на закатное августовское солнце прирученный годовалый волк.

Серый хищник появился у Еремея Анкудина прошлым летом. Егеря случайно набрел у заросшей тропы на волчье логово с единственным, ещё слепым детёнышем. Остальных, как догадался Еремей, волчица, опасаясь лихих охотников, успела перенести в безопасное место.

Волчонок вскармливался вместе со щенками овчарки. На первых порах сука недоверчиво и долго обнюхивала его. К вымени подпустила лишь, когда материнский инстинкт преодолел извечную собачью настороженность перед волчьим духом. Маленький дикарь внешне ни чем не отличался от своих одногодок, но взрослея, всё больше обретал обличье лесных сородичей.

В прохладные зимние вечера в отдаленных горах часто завывали блуждающие волки. Однажды подросший приёмыш, задрав свою лобастую голову, отозвался на заунывный вой. Собаки беспокойным рыком отреагировали на его неожиданно прорвавшийся голос. Хозяин тут же поднял гибкую хвостину:

- Э-эй! Ну-ка, отставить свои песни, приبلудный! Эдак ты накличешь на нас беду.

Волчонок обиженно, поджав хвост, отпрянул в сторону. Анкудин смутился, сообразив, что не по делу обозвал прирученную тварь. С тех пор он стал называть найдёныша просто Серым. А тому не легко было сдерживать свои природные позывы, и он, уже с оглядкой, но продолжал вторить вою из далёких чащоб. И Еремей вновь с мужицким упорством брался за хворостину. Серый явно недоумевал, за что этот, такой заботливый и ласковый человек наказывает его? Быть может, волчонку казалось, что завывания из глубин леса должны услаждать слух всякому живому существу. Потому он растерянно смотрел, как на его голос ощериваются псы, и вздыбливается шерсть на их загривках. Со временем зверёныш, видно, по какому-то своему волчьему наитию, стал пытаться подражать лаю собак. Но научился он лишь издавать прерывистое рычание.

- Кого дуришь, дикарское племя? – без злобы, посмеивался Еремей. – Ведь, как ни хитри, а, всё равно, завываешь ты с заполошной тоской. Небось, вспоминаешь свою серую мать?

Но образ матери волчицы Серый, скорее всего, давно уже позабыл. Вместе с терпким запахом родного логовища всё выветрилось из его звериной памяти...

Егерь, сидя на завалинке, отдыхает после обхода участка, покуривает и щурится на, уплывающее за горизонт, истомленное солнце последних летних дней. Волк из-под куста смотрит на светило, не мигая, и оттого его желтые зрачки отблескивают бронзой.

- Чего прижух, Серый? – ухмыльнулся в усы Анкудин. – Вылазь из тени, дурашка, погрейся. Ночь, видно будет зябкой. Вон какая туча зависла над дальним лесом.

Волк сидит, не шелохнувшись, и лишь в какие-то мгновения уши его подрагивают, улавливая что-то недостижимое человеческому и собачьему слуху. Он чуял отдаленное присутствие серых сородичей, что и заставляло подёргиваться брюшным мышцам, вызывая приглушенный утробный рык...

В этом благодатном краю Кавказа, уже который год, даже в ясные дни, время, казалось, застывшим над землей тягостным туманом. Над взморьем давно уже витал, едва уловимый, дух неминуемых бед предстоящей войны. А прошедшей ночью на, беспокойно дремлющее Причерноморье, обрушился ливень. На утро небо прояснилось и на территорию Абхазии, вдоль побережья вторглось чужестранное войско. Над приграничными холмами прогрехотали орудийные залпы. Этот пушечный гром, прежде никогда неведомый для лесных волков, погнал их к левому берегу горной реки...

Многочисленная стая хищников образовалась от слияния нескольких мелких групп. Одно из таких семейств когда-то состояло всего из пяти разновозрастных особей и вожака Гривастого. Этот матёрый самец выде-

лялся среди других волков крупными размерами и особенной статью. Его шерсть при дневном свете отдаёт серебристым отливом, а в лунную ночь она, будто отражает золотые отблески.

Минувшей весной среди них обитал и молодой одноухий самец. Своего уха он лишился, когда однажды, ухаживая за строптивой самкой, передушил ее волчат. Тогда Гривастый, набросившись на него, изгнал из стаи. А в это тревожное лето волки не стали противиться его возвращению. Наверное, природа хищников подсказывала им, что в минуты опасности не будут лишними клыки такой безудержно свирепой твари, как Безухий. В отличие от Гривастого, более опытного зверя, который всегда был склонен к умеренной охоте, прощенный самец тяготел к постоянному разбою. Одноухий хищник с повадками шакала, вопреки тому, что первенство в разросшейся стае давно определилось за Гривастым, иногда проявлял стремления утвердить своё главенство. Из-за этого между ними нередко возникали бескровные схватки...

Снаряды, запускаемые на городок, не долетая, взрываются за околицами растревоженных, словно пчелиные улья, абхазских селений. Местные псы, напуганные канонадой, бросились к лесу. Они, конечно же, не могли знать, что навстречу им с другого берега, гонимые грохотом тех же орудий, направляются их извечные недруги. И вот уже эти стаи диких и домашних животных, охваченные ужасом смерти, потеряв чутьё из-за пороховой гари, неминуемо сближались. Вскоре лесные твари и собаки, преодолев немалый путь сквозь буреломы и овраги, замерли на двух противоположных отрогах долины. Теперь их разделяли, грозно рокочущие после ливня, воды горной реки. И те и другие, еще не чувствуя близости друг друга, оскалившись, рыча и завывая, принимаются к будоражащему кровь, задымлённому воздуху. Было похоже, что хищники воспринимают начавшуюся войну, как яростную на них охоту, а собаки, – как небывалый массовый отстрел. Одомашненные животные, давно растерявшие стайный инстинкт, поскуливают и мечутся, не признавая над собой главенства какой-либо собачьей особи. А дикари, наоборот, сгрудившись возле вожака, готовы беспрекословно исполнять все его команды. С напряженным вниманием следят они за малейшими подрагиваниями ушей и хвоста Гривастого. Тот, беспокойно озираясь, всё не никак решается броситься в бурливый поток. Но сзади хищников угрожающе подхлестывают голоса приближающихся людей. Наконец, вожак, пружинисто оттолкнувшись, кинулся в воду, и вся стая бросилась за ним. Звери, ловко используя вспенивающееся в водоворотах течение, отчаянно борются с рекой. И вот уже свинцово-серая, отфыркивающаяся лава приблизилась к правому пологому берегу. Вся стая выплыла без потерь и спешно направилась вверх по лесистому склону...

По шоссе от Гали к Очамчиру движется колонна войск Госсвета Грузии. Гремят танки, изрыгают удушающий чад боевые машины пехоты, артиллерийские установки и бронетранспортеры. Следом

шли автобусы «Икарус» с вооруженными охотниками за удачей. Небо Абхазии взрезывали винтами вертолеты.

После непродолжительного боя с семерыми бойцами приграничного поста и несколькими солдатами Внутренних войск, вторгшиеся части, к полудню уже были на центральной площади городка. Растерянные жители не сразу поняли, что это война. Кто-то осторожно высказывал предположение об учебных манёврах, а иные убеждали себя и других, что это проводятся съемки художественного фильма. Всё разом прояснилось, когда воинственные парни в кожаных безрукавках и черных очках, сорвав с административного здания флаг Республики Абхазия, изодрали его в клочья...

2.

Группа вооруженных мужчин появилась на лесном кордоне в форме гвардейцев грузинской армии. Но лица не каждого из них говорили о какой-либо причастности к регулярной армии. В большей массе это были мрачные, с заросшей щетиной физиономии. Таких воинов, среди необстрелянных солдат с молодым подтянутым командиром, выделял особый жаргон уголовного мира. За ними явно не было ни военных училищ, ни академий, кроме жесткой школы затхлых тюремных камер.

Они вышли из лесу и с видом безмятежных охотников направились к хижине егеря. Внезапное вторжение на чужую землю придавало им смелость, и даже некий кураж, и потому лейтенант шел впереди своего отряда с беззаботно застёгнутой кобурой.

Еремей сидел, как обычно, на своей завалинке, курил и внешне не проявлял никакого беспокойства. Он давно предполагал, что люди с оружием всё равно когда-нибудь, да и появятся на абхазской стороне. Знал егерь и то, что со своим старым охотничьим ружьем не сумеет оказать им никакого весомого отпора. Он исподлобья всматривался в фигуры приближающихся незваных гостей. Смотрел так, как человек наблюдает в чистом поле за грозовой тучей, которая неминуемо обрушится градом, а спрятаться от нее некуда.

- Ты кто? – командир остановился в двух шагах от Еремея.

Егерь не поспешил с ответом. Но зато его четвероногие друзья злобно зарычали. Один из бородатых воинов, блеснув золотой фиксой, направил на собак дуло автомата. Псы тут же смолкли и, поджав хвосты, отошли к кустам. Звериный опыт подсказывало им, что мог предвещать зловещий зрачок железного ствола. И только неискушенный Серый отошел, не пятаясь и, не выказав никакого страха.

- Почему не отвечаешь? – бородач навел оружие на егеря. – Не понимаешь человеческого языка?

Анкудин продолжал молчать. Фиксатый обращался к нему на мегрельском наречии. И егерь, конечно же, хорошо знал язык соседей, но на нём ему говорить не хотелось. По их высокомерным взглядам он понимал: человеческого разговора с ними не получится. Самое лучшее, что

мог он от них ожидать, это мгновенной смерти, а худшее – унижения и пытки.

Лейтенант рукой отвел ствол автомата бойца в сторону и присел рядом с Еремеем:

- Ты, как я догадываюсь, местный лесник, – заговорил он по-абхазски. – Это хорошее дело. Я и сам в детстве мечтал о лесе. Но меня всегда удерживал страх перед одиночеством в непролазной глухомани. А у тебя, наверно, есть какая-то связь с городом? Имею в виду телефон или рацию.

- Не имею, – коротко по-абхазски ответил Анкудин.

- Ну, а, как ты думаешь, какие силы готовы нас здесь встретить?

- Все готовы, – егерь ухмыльнулся и добавил по-русски. – Включая и силы небесные.

- Это что, у этих вшивых абхазов есть авиация? – осклабился молодой боевик.

Лейтенант не отреагировал на реплику юноши, и тем же, нарочито благодушным тоном, продолжил разговор:

- Не пойму, дядя, какого ты рода-племени человек?

- Славянского мы рода. Но ты мне в племянники не записывайся.

- Ну, почему же? – командир игриво подмигнул однополчанам. – Мы грузины издревле жили в братстве с Россией-матушкой. Еще наш царь Ираклий подписывал с вашим Александром дружественный трактат, которого мы и придерживаемся.

- Хреново придерживаетесь, – густые белесые брови Еремея сошлись на переносице. – Правду своей истории, небось, только с изнанки и знаете? А ваш Ираклий просил русского царя о подданстве.

- Чего? – бородатый расхохотался. – Наш, что-то просил у вашего?!

- Нижайше просил, – твердо произнес егерь.

- Попридержи язык, рыжая свинья! – рявкнул фиксатый. – Ишь, расхрюкался.

Анкудин, поднявшись, спокойно оглядел вооруженных людей и горестно покачал головой.

- Понятно, отчего вас такая правда не устраивает.

- Но, ты бы полегче, товарищ лесник, – лейтенант встал. – Мы за справедливость. А если кому-то не хочется жить по законам нашей страны, пусть оставит эту землю и проваливает отсюда.

- А ты что, купил ее, землю-то, – глаза егеря насмешливо блеснули, – или она тебе в наследство досталась?

- Не глупи, русак, – усмехнулся грузин. – За нами сила мировых держав, а, значит, и правда за нами...

В то время, пока командир пытался вести мирную беседу с Еремеем, несколько солдат вошли в хижину. Их самовольство хозяин оставил без внимания. Он по-прежнему выглядел спокойным. Было похоже, что человек непостижимо собственному рассудку, перешагнул за тот порог, когда напрочь пропадает инстинкт самосохранения. Так, быть может, сгораю-

щий на костре вольнодумец на последнем дыхании выкрикивает свою правду, зная, что терять ему больше нечего. Еремей с горячностью продолжал говорить, обращаясь только к лейтенанту:

- Ты бы лучше подумал, парень, что в своё время наши и ваши старики вместе воевали против фашистов? Они сидели в одних окопах и называли друг друга братьями. Они шли в бой, прикрывая друг друга. Они умирали на руках друг у друга и вместе победили врага. А сегодня вы пришли отнять у этих дедов и их потомков жизнь.

- Погоди, лесная душа, – вперед выступил, молчавший до этого, мужчина в очках, с автоматом за плечом. – Это хорошо, что ты вспомнил про ту войну. Вот и скажи мне, если мы грузины плохие, то почему такие хорошие абхазы переименовали поселок имени кавказца Героя Советского Союза?

- Это ты про Леселидзе? – Еремей не сразу догадался, куда клонит этот очкарик. И тот не отступал:

- Именно про него. За что вы хотите предать забвению имя героя? В чем его прах провинился перед вами?

- Ты говоришь так, будто, это мы его убили, – егерь на мгновение замешкался от неожиданного напора, но тут же взял себя в руки. – А то, что селение его имени сменили на прежнее название, то тут, возможно, местные слегка погорячились. И такое случается. Накипело на душе абхаза, да так накипело, что любое упоминание о вас мутит рассудок. И тут его можно понять после всего того, как ваша власть вела себя здесь за последние годы. Да и, в конце концов, по какому праву может упрекать хозяина тот, кто вошел в его дом с оружием?

Очкарик звучно высморкался и утер нос тыльной стороной ладони. Ему надоело вести интеллигентские беседы, и он грубо прервал егеря:

- Э-э, это всё демагогия. Лучше скажи, куда подевалась наша прежняя, нерушимая советская дружба народов? Или вы нацболы притворялись перед нами – нацменами?

- Дружить можно с тем, к кому не опасаясь обернуться спиной, – отрезал Анкудин и снова сел.

На пороге хижины появились пьяные парни. Они развязно громко переговаривались. Один из них, держа в руках кувшин с узким горлышком, запрокинул голову и вливал в себя вино. Другие со смехом пытались отнять у него глиняный сосуд. Лейтенант при виде своих охмелевших воинов побагровел и коротко потребовал, чтобы прекратили безобразничать. Молодой командир, еще задолго до этого похода уяснил, что именно такие отчаянные, бесшабашные парни и сгодятся для предстоящего вторжения в города и села укрощаемой ими страны. И он вновь обернулся к егерю:

- С тобой, лесник, всё ясно. Нашей правды ты не разделяешь, а значит, мы по разные стороны фронта. Нам идти вперед, а тебе...

Лейтенант не успел договорить, как один из боевиков бесцеремонно перебил его и с язвенной ухмылкой глянул в сторону Еремея:

- Но, гражданин начальник, разве можно оборачиваться спиной к тому, кому не доверяешь? Я бы, уважаемый Гоча Таймуразович, не советовал оставлять его живым в своём тылу.

- Пахан прав, – икнул фиксатый. – Кончать его надо и двигаться дальше. Нас ждут богатые трофеи и табуны абхазских красавиц. А у этого оборванца даже пожрать нечего.

На такое откровение бандита Анкудин злобно сверкнул глазами:

- В этом-то и вся суть вашей разбойничьей шатьи-братьи: стащить кусок с чужого стола, насильничать бабу, да вдоволь пограбить живых и мертвых.

Командир вплотную подступил к егерю.

- Довольно болтать. Думаешь, я не понял, что ты своей дерзостью на пулю нарываешься. Легкой смерти захотел? Надеешься, кто-то узнает о твоём выпендреже, и ты останешься в памяти народа, как герой? Зря. Мы не убьём тебя. Сам подохнешь в своей берлоге.

- Да уж лучше б пулю, – вздохнул Еремей и поднял взор на бескрайнее синее небо без единого облачка. – А болтать с тобой мне не о чём. С жестоким сердцем ты ничего не поймёшь. Убей меня. Лично пристрели. И, быть может, тогда вид первой крови в вашей бандитской войне, отрезвит твой рассудок.

- Вяжите его, – лейтенант едва сдерживал ярость, – и забросьте в его же хлев, да двери хорошенько подоприте.

Когда Анкудина уже связанного по рукам и с разбитой губой, подвели к порогу хижины, командир жестом остановил его.

- Спросить хочу. Ты человек не глупый и, конечно, догадываешься, что ждет на завтра этот мандариновый рай. Ответь мне, какое дело двуглавному Кремлю до наших разборок и за что собираются умирать, живущие здесь не абхазы?

- Я не знаю, что нужно правителям, – Анкудин выплюнул бледно-розовую сукровицу. – Лично для меня, как, рожденному на этой земле, всякий, кто посягает на жизнь земляка, это кровный враг. Так что, Гоча сын Таймураза, бойся, если я Божьей милостью выживу. И тогда я достану тебя, сукиного сына, из-под земли достану. И, поверь, рука моя не дрогнет.

Ничего не ответил лейтенант. Ладонь его до синюшной белизны сжала кобуру. И губы задрожали, и тонкие ноздри его трепыхнулись. Но не мог грузин Гоча выстрелить в русского мужика Еремея. Не смел, потому как, мог предположить: за кровь славянина вдруг, да и спросит Большая страна с его любимой Грузии. Но одного он не знал, что владыкам мира за их политикой не всегда есть дело до простых смертных...

3.

Волчья стая, переправившись через реку, приближалась к вершине отрога. Но, преодолев лишь половину пути, звери остановились. Это Гривастый попридержал их и каким-то своим волчьим знаком отправил двух молодых самцов вперед. К ним присоединился и Безухий. Когда разведчики возвратились, и дали знать о присутствии на хребте собачьей ватаги, с ними не оказалось одноухого волка. Вожака это не встревожило. Он был озадачен более важными заботами: не мешкая, без потерь увести собратьев в безопасное место. Видно, Гривастый смекнул, что встреча с собаками хоть доставит и меньше хлопот, чем с вооруженными людьми, но сейчас им лучше не ввязываться в драку. Стая двинулась вдоль по косогору. Вскоре хищники перевалили хребет чуть пониже течения реки и лёгкой трусцой, огибая абхазские селения, пустились навстречу, тянувшемуся издалека влажному воздуху моря. Но вдруг сзади, из глубин только что покинутого ими леса раздался одинокий, прерывистый волчий рык. Это был голос Безухого, гнавшего в низину молодую косулю. Волк нёсся лёгким игривым бегом, грациозно подскакивал и победно подвывал. Он явно демонстрировал всей волчьей братии свою удаль. А его жертва, обезумевшая от нагонявшей её смерти, бежала из последних сил и с каждым прыжком приближалась к затаившейся стае. Гривастый тут же сообразил, что еще мгновение и из-за дележа добычи непременно начнётся шумная свара. И тогда сюда заявятся собаки, а того хуже, и люди.

Вожек выскочил из-за кустов и замер в воинственной стойке на пути косули. А та, от неожиданности заскользила копытцами по влажной после дождя траве и едва не завалилась на бок. Но она удержалась и, круто свернув, стремительно бросилась к лесу. Безухий же, в пылу погони, чуть ли ни лбом столкнулся со своим соперником. В прищуренных глазах Гривастого сверкнули угрожающие искры. И, растерявшийся одноухий самец тут же, поджав хвост, медленно развернулся спиной к вожаку. Это был знак его вынужденного признания абсолютной покорности предводителю. И тот благородно, приняв поражение противника, отвернулся, но вновь присоединиться ему к стае уже не позволил.

Гривастый, избавившись от своевольного собрата, оглядел свою встревоженную волчью семью. В зрачках голодных тварей отражалось недовольство из-за упущенной легкой добычи. Вожаку по неукоснительным волчьим законам необходимо было быстро найти новую жертву. Но, как и где было ее искать? Всё ближе и ближе раздаются людские голоса, а где-то сбоку уже громят танки?

Отчаявшийся самец принял, возможно, не самое верное решение, продвигаться туда, где в дымке морского тумана просматривались дома городской окраины. В своём глубинном животном сознании он, наверное, предполагал, что человек не станет стрелять в местах, где живут ему подобные. И, возможно, там найдётся для них какая-нибудь пища. Но тут

наудачу зверей на пути им, в стороне от небольшого селения встретилось стадо коз. Пастушка, который должен был быть где-то рядом, в этот раз не оказалось. На пригорке стоял не молодой, крупный сивобородый козел. К траве он прикасался изредка, давая стаду, спокойно насытится. Сам же страж своего семейства высоко задирает голову и постоянно озирался по сторонам. Его-то Гривастый и наметил как первую жертву, так как тот находился поодаль от своих подопечных. В иные дни охоты вожак не соблазнился бы его жестким мясом, а предпочёл молодых самок или их молочных детенышей. Но сейчас было не до выбора еды. Волкам необходимо тут же, не теряя времени, хоть чем-то поживиться.

По знаку Гривастого звери начали подкрадываться к козьему предводителю. Но тот, заметив хищников, даже не шелохнулся и не сдвинулся с места. Он мотнул головой и встал на дыбы между волками и козами. Круторогий вожак вызывал атаку на себя. Волки на мгновение оторопели. И тогда отважный козёл, фыркнул, отскочил в сторону и побежал, увлекая за собой нападавших. Но Гривастый разгадал его хитрый манёвр, и в два прыжка оказавшись в середине, уже никем незащищаемого стада, придушил пару коз.

Этой добычи – старого козла и двух молодых козочек хватило волкам утолить голод. На этот раз звери изменили обычной волчьей привычке, когда, нападая на кошары, они, повинаясь своему врожденному инстинкту, прирезали как можно больше скота. При этом хищники, не способные сожрать всех умерщвленных, утаскивали с собой лишь столько, сколько им необходимо, чтобы насытиться. Волкам вообще присуща умеренность во всем. Они преследуют добычу, пока хватает дыхания. Уставший от погони зверь остановится и высмотрит себе более доступную жертву. Волк ни за что не выйдет на промысел, если его не вынудит высшая степень голода. И он не станет рыскать по округе и драться с сородичами ради захвата пространства для охоты и обитания. А главное, волк даже в самой жестокой схватке никогда не загрызёт до смерти соперника – собрата по крови. Внутреннее чутьё – не покушаться на жизнь себе подобного удерживает его от такой крайности...

Еремей от удара прикладом по голове потерял сознание. До вечера он провалился на полу своей хижины со связанными руками. Очнулся, осмотрелся. Сумеречный свет пробивался сквозь узкое оконце. Он подполз к двери и уперся в нее ногами. Не поддавалась. Снаружи жалобно скулили собаки, и встревожено завывал волк.

- Эй, родимые, – подал егерь хриплый голос, – вы здесь?

Овчарки вначале замолкли, а потом, обрадовавшись, призыву хозяина залились громким лаем. А Серый злобно зарычал и начал скрестись в дверь.

- На вас у меня одна надежда, – простонал Анкудин. – Ко мне, мои хорошие, ко мне...

Больше часа человек взывал к животным, и они рвались к нему. Сам егерь, как мог, помогал им, то, напирая плечом на дверь, то снова обессиленный валился на бок. Наконец бревно с грохотом упало на землю. Первым в хижину вбежал волк. Следом появились собаки. Они, увидев Еремея, не понимали, что тяготы хозяина на этом не закончились, и успокоенно улеглись рядом. Серый же, обнюхав человека, зашел со спины и принялся перегрызать веревку на его руках. Освободившись от пут, Еремей ласково потрепал своего спасителя по загривку. Он сидел на полу, а собаки, угодливо виляя хвостами, вылизывали его окровавленное лицо и ладони. Волк остановился в дверном проёме и, опустившись на задние лапы, как верный друг, всматривался и чутко вслушивался в предвечерние сумерки ...

4.

Отряд гвардейцев с молодым лейтенантом вышел из лесу. В первом же, встреченном на пути селе, солдаты принялись рыскать по дворам в поисках пищи. Вначале это происходило относительно спокойно, без явных грубостей. Пришельцы даже как-то опасливо просили какой-нибудь еды и питья. Но, насыщаясь, они начинали озираться по сторонам, высматривая, нет ли среди населения вооруженных людей. Ненадолго хватило сдержанности у непрошенных гостей. Сытые и слегка повеселевшие, бойцы начали вести себя откровенно развязно-вызывающе. И разговаривать они уже стали насмешливо грубовато, как бы подчеркивая своё превосходство над хозяевами. Было похоже, что таким поведением эти парни пытались взбодрить себя и настроиться на роль хладнокровных исполнителей некоего праведного дела. А местные крестьяне никак не могли взять в толк, почему эти молодые люди, внешне так похожие на их сыновей и братьев, ведут себя, как безрассудное стадо. Конечно же, абхазцам в первые часы вторжения всё ещё хотелось верить: стоит только заговорить с ними на языке их матерей и они, образумившись, с благодарностью примут угощения и, извинившись, уйдут восвояси. Но те были мрачны и равнодушны к недоумению селян. Юноши стояли в сторонке и с укором смотрели на своих старших мужчин. Те же, наученные вековой мудростью терпения, надеялись и выжидали: а вдруг всё обойдется.

Не обошлось. Гвардейцы, утолив голод и жажду, принялись за грабеж. Кто-то уже бесцеремонно входил в жилища и открыто по-разбойничьи требовал деньги и золото. Другие же, не брезгуя любой добычей, выносили и связывали в тюки одежду, спальное бельё и не гнушались детскими вещами. На заполошно рыдающих женщин и, мужчин с посуровевшими взглядами, грабители, молча, наводили стволы автоматов. Один из таких вышел из дому, таща подмышкой, пустую колыбель. Это была добротная, резная, хотя и старая поделка, сработанная искусным мастером. Следом за ним выбежала молодая женщина, прижав к груди плачущего младенца. Перед грабителем встал седобородый старец, сдвинув косматые брови.

- Это верни на место, – проговорил он сдержанно, будто всё остальное, вынесенное добро не имело никакой ценности.

- Зачем? – ухмыльнулся тот. – Моя жена собралась рожать. И я сделаю подарок моему наследнику.

- Пусть твоему отпрыску дарит твой дед, а эту вещь сделал мой отец для своих потомков, – старый абхаз ухватился жилистой рукой за колыбель и, отняв ее, поставил на землю рядом с собой.

Голоса одобрения приглушенно, будто отдаленные раскаты грома, пророкотали со стороны группы местных парней. Один из них светло-русый юноша лет семнадцати шагнул вперед и остановился по левую руку от своего деда.

Боевик угрожающе поднял автомат.

- Отставить, – раздался жесткий голос лейтенанта. – Куда ты собрался тащить эту рухлядь? Что, за этим и пришел сюда?

- Да, за этим, чтобы проучить абхазских вырождков! А то, что останется от них – моё или ничьё! – исступленно взвизгнул гвардеец и тут же выпустил очередь по колыбели.

В застывшей вязкой тишине, с жалобным звоном разлетелись деревянные щепки. Никто не заметил, как взметнулась рука старика и хлестанула по щеке бандита. Тот упал на четвереньки и, видно, машинально, нажав на курок, выстрелил одиночной пулей. Подрубленным деревцем свалился светло-русый парнишка на останки резной кровати.

Женские визги, детский плач и крики разъяренных мужчин заглушили звуки выстрелов. Это лейтенант, размахивая пистолетом, метался среди боевиков, изгоняя их со двора тычками и руганью. Отряд поспешно, словно орава хищников с разграбленной кошары, покинул село и двинулся вглубь страны...

5.

По улице городской окраины бежит босоногий мальчишка лет двенадцати. Его широко раскрытые глаза бессмысленно блуждают по сторонам. Контуженный ребенок в рваной рубашке, потерявший ощущение реальности, нёсся, сам не зная куда. Он бежал, спотыкаясь, подгоняемый, застывшим в его ушах, пронзительным женским криком: «Беги, душа моя, беги!». С прерывистым дыханием он хватает воздух онемевшим ртом, а на лице его запечатлелся весь ужас перепуганной детской души.

Из проулка, где только что протрещала автоматная очередь, выскочила рыжеволосая девочка-подросток. Она бежала и непрерывно кричала, словно заведенная кукла: «Убили! Убили папу! Убили всех!..» Вдруг голос её оборвался. Мальчик не понял, откуда раздался очередной выстрел. Он с удивлением смотрел, как девочка резко подалась вперед, выставив ладошку к земле, будто потянулась за бледно-розовой ракушкой, а затем медленно ткнулась щекой во всклубившуюся пыль. Мальчик подошел и присел подле нее:

- Вставай, побежим вместе...

Девочка молчала. Её раскрытые светлые глаза медленно угасали, сливаясь с небесной бирюзой. Рыжие волосы на серой земле, теряя огненный блеск, окрашивались в алый цвет.

Мальчик вновь бросился побежать. Его встревоженный взгляд метался вдоль улицы от дома к дому, но всё вокруг ему казалось совершенно незнакомым. Он пытался понять происходящее вокруг, и от чего, и, куда ему надо скрыться. Перед глазами вновь предстала, упавшая на землю, девочка. Ее кровь вдруг напомнила мальчишке просторный двор и алую лужицу, растёкшуюся из-под тела распластанной на земле пожилой женщины. Но ребенок со своей расстроенной памятью уже не способен был осознать, что это был его отчий двор. И тогда перед ним лежала его родная бабушка, которая только что прижимала его к своей груди. Прозвучавший резкий выстрел в одну секунду напрочь растворил в забвенье всё произошедшее несколько мгновений назад.

Мальчик бежал, а в голове его мелькала единственная мысль: мир вокруг, который совсем недавно был таким приветливым и светлым, вдруг заполнился чем-то невообразимо нехорошим, за которым нет ни солнца, ни неба, ни зеленой травы, щекочущей босые ноги...

Кровь на рубашке и на ладонях обжигала тело, и ему нестерпимо хотелось избавиться от этого горячего прикосновения. Свою рану от, обжёгшей его щеку, пулей, он и тогда не заметил и не почувствовал боли. В тот миг гладкую, мощенную галькой дорожку от дома к воротам мальчик, как будто, перелетел вспугнутым воробушком. А следом прозвучал крик его мамы: «Беги, душа моя, беги!»

За ближайшим поворотом несколько бездомных дворняжек сбились в кучу. Их появление вызвало на лице ребенка улыбку зыбкой надежды, что еще не всё хорошее потеряно. Ведь перед ним были живые, и казалось, совсем беспечные собачки. Животные, увидев мальчика, радостно завили хвостами. Но через секунду они вдруг устремили свои взгляды поверх его головы, заскулили и шарахнулись в разные стороны.

- Куда же вы? – вскрикнул мальчишка.

Собаки исчезли, и он обернулся. С верхнего края улицы спускалась серая стая волков. Ребенок снова заулыбался, приняв их за очень красивых, невиданной породы, одномастных собак. Хищники приближались неторопливой рысью, настороженно постигая необычные для них звуки и запахи. Гривастый, шедший впереди, замер в нескольких шагах от рыжеволосого мальчика и, выгнув шею, втянул ноздрями воздух, приняв на расстоянии к маленькому человеку. От того не исходил дух опасности и хищники спокойно, обойдя его, двинулись дальше.

Чутьё отверженного одноухого волка подсказывало ему, что выжить в одиночестве будет не просто. От нестерпимого голода и озлобленности на вожака Гривастого он сдавленно и протяжно взвыл. Зверь, будто, жаждал мести за унижение, пережитое перед всей стаей. Но страх быть подстреленным людьми оказался сильнее его ярости. Волк еще какое-то время, покружив на открытом пространстве, припустил по следам удалившихся хищников.

В городке Безухий не пошел широкой улицей, а стал блуждать по узким закоулкам, держась вблизи заборов и палисадников. Временами он затаивался в кустах и высматривал себе добычу. Обнюхивая землю, он улавливал запах псины и кошек. Дух живой плоти пьянил хищника, вызывая спазмы в пустом желудке. Самих животных нигде не было видно. У одного из домов волка остановило чье-то непрерывное визгливое тьяканье. Звуки доносились с балкона двухэтажного особняка. Безухий задрал голову, остановился у ограды и с вожделием стал разглядывать маленькую, пушистую болонку. Желанная жертва, отчаянно лаявшая, просунув свою шерстистую головку между балясинами, была недосыгаема. И тогда волк, решив выманить ее, прижал уши и отступил от забора. Лай зазвучал громче и дерзновенней. Осмелевшая собачка вылезла из подворотни на улицу, не подозревая, что ее смерть затаилась рядом, за кустом чайной розы. Она даже не успела испугаться, как была в одно мгновение придушена. Безухий, облизываясь, двинулся дальше, а позади него легкий ветерок взвихрил над землей белые пушинки шерсти. Это и всё, что осталось от собачонки, которая попыталась защитить свой двор от незваной напасти...

От снарядов, запускаемых с грузинской стороны, вспыхнули очаги пожаров на лесных склонах. С безысходной скорбью в глазах сидел Еремей Анкудин на пороге своей хижины и смотрел на, искрящиеся в предрассветных сумерках, столбы дыма. От осознания собственного бессилия перед огненной стихией лесник только скрежетал зубами. От нестерпимой душевной муки ему хотелось заскулить по-собачьи или взвыть, как завывают волки в полнолунной ночи. А что еще мог поделать человек, понимая, что лес ему не спасти, когда над всей землёй разгоралось всепожирающее пламя?

Он вошел в хижину, извлёк из-под лежанки свой старый дробовик с патронташем и вышел за порог. Собаки суетливо завертелись у его ног, предвкушая очередной обход по знакомым, пахнущим зверьем тропинкам. Но Еремей дал команду оставаться на месте и, коротким свистом подзвав Серого, направился вместе с ним в свой городок.

Егерь любил своё дело, как никакое другое на свете. Он был предан лесу, как собственному, отеческому саду. Еремей оберегал лес и всякую живую тварь с таким рвением и заботой, будто всё вокруг было возвращено его руками и его пращурами. На вверенном ему участке Анкудин знал каждый кустик, всякую тропу, все полянки и самые затаенные чащобы.

Всё это когда-то показывал ему отец, а тому – его отец, передавший своё дело от своего отца.

Все поколения рода Анкудиных были лесниками. Еще в далекую Кавказскую войну девятнадцатого столетия прадед Еремея – рядовой пластунского казачьего полка оказался в плену у людей одного из абхазских дворян. Во времена жестоких столкновений это было обычным делом. Горцы захватывались в плен царской армией, а солдат пленили аборигены. И те и другие выкупали или выменивали своих невольников. Тем и промышляли обе стороны.

Черноморскому казаку Анкудину жизнь в абхазском селе не показалась столь ужасной, какой стращали отцы-командиры. Не было ни цепных кандалов, ни железного ошейника на коротком поводке. Его свободу ограничили лишь каменным забором, окаймлявшим просторный приусадебный двор. Кормили его отдельно от семьи хозяина, но сносно и досыта. Обитал пленник в небольшой хижине, стоявшей в стороне от хозяйского особняка. Там он и прожил с полгода, помогая по хозяйству и, тоскуя по однополчанам. Но выкупа за его свободу так никто и не прислал. Нечем было заплатить одинокой матери, а выменять рядового пластуна на какого-нибудь знатного горца военное начальство особо и не старалось. Слишком дешева была жизнь российского служивого. Абхазы, глядя на душевные мытарства человека, наконец, объявили ему, что тот волен распоряжаться своей свободой, как ему заблагорассудится. Крепкий и работающий казачок не пожелал возвращаться к своим. Ему больше не хотелось воевать с этими, вовсе не дикими и кровожадными, как рассказывали о них, а простыми и добросердечными людьми. Он, не способный разбираться в истинных мотивах этой войны, уяснил для себя одно твердо и без сомнений, что не гоже Божьему человеку лезть в чужой двор и убивать хозяев, тем более, когда они не угрожают твоему собственному дому.

Вольный казак остался жить в этом же селе среди горцев, с которыми успел подружиться. Его приодели и даже вернули кинжал, добытый им когда-то в бою с черкесами. Вскоре парня женили на одинокой вдове, а через год в молодой семье появился сын. Так и пустил свои славянские корни род Анкудиных на земле абхазов.

Еремей после Армии, окончив лесной техникум, женился и сменил на кордоне своего престарелого отца. А тот через год тихо умер, прикорнув в своём саду под развесистым деревом инжира. Подросшие дочь с сыном уехали на учебу в соседний Краснодарский край, где со временем обзавелись семьями и собственным хозяйством.

Двор Анкудиных был ухожен и обустроен на абхазский манер. Зеленый травяной ковер, не обезображенный асфальтом и бетоном, вел к добротному кирпичному дому с широкой верандой во всю его длину. За хозяйственными постройками раскинулся фруктовый сад и виноградник. Сад был гордостью и утешением для Еремея. В ранней молодости он

мечтал жить большой семьей. Мечтал, когда-нибудь увидеть здесь своих детей, взрыхляющих землю под деревьями, и маленьких внуков, которые, вытянув шейки, забавляясь, откусывали б прозрачные бусинки винограда своими зубками, не касаясь ручонками гроздьев на шершавой лозе...

Год назад егерь овдовел и дом, выстроенный на окраине городка еще его отцом, опустел, как осиротевшее сорочье гнездо.

7.

Родовое подворье Анкудиных встретило хозяина распахнутыми настежь воротами, будто в семье оплакивали покойника, когда каждый прохожий мог войти со своим скорбным словом. На вытопанной траве валялась загаженная, отцовская бурка, которая всегда висела вместе с кинжалом прадеда над изголовьем кровати в комнате родителей. Вокруг были разбросаны обглоданные бараньи кости и осколки разбитой посуды.

Еремей в тревожном предчувствии, быстро миновал дом, зиявший пустыми глазницами разбитых окон. Не сбавляя шага, он вошел в сад и остолбенел от раскрывшейся перед ним ужасающей картины. Деревья почти все с изрезанной корой, с отсеченными ветвями стояли, словно обнаженные и поруганные женщины, застывшие в немом укоре, воздев к небу безобразные култышки. Виноградные лозы, обрубленные у самых корней, безжизненно повисли на нейлоновых шнурах, как подстреленные солдаты на колючей проволоке. Еремей догадался, что все насаждения были загублены его собственным топором, который валялся тут же на земле. Мужчина медленно опустился на колени и судорожно сжал в ладони гладкое топориче, отполированное ещё руками его деда и отца. Взглянув на отточенное лезвие, он вдруг почувствовал боль, будто острый металл, как в податливую древесину, проникает в него сверху слева от шеи, через позвоночный столб. Холодное жало мягким прикосновением рассекло и остудило воспаленное сердце. Человек сник, плечи его безвольно обвисли, и посреди изувеченного сада он сам вдруг уподобился обрубку айвового дерева, к которому привалился спиной. «Это я сам себя наказал, – мелькнула в сознании суматошная мысль, пришедшая во спасение рассудка. – Не было б сада и не наточи я так остро свой топор – не было б и горя...»

Зябкая предутренняя прохлада привела Еремея в чувства. Он поднялся и вышел со двора, оставив позади сорванные с петель, ворота.

Дом соседа справа – армянина жестянщика Гарегина был до основания разворочен взрывом. Слева от усадьбы Анкудиных, на месте ветхого жилища вдовы аджарца Луарсаба дымилось пепелище. Нестерпимо тяжело было Еремею смотреть на останки былой своей и чужой счастливой жизни. Егерь развернулся и, вскинув на плече двустволку, зашагал к центру городка, туда где, как он уже знал, земляки собирались в команды ополченцев. Рядом трусил его верный серый волк.

Вид изуродованного приморского бульвара вызвал в душе горожанина не менее болезненное смятение, чем его, собственный израненный сад. Он шел по вздыбленному снарядами асфальту мимо разграбленных и раскуроченных торговых палаток и ларьков. Со щемящей тоской вспоминал лесник, что совсем недавно в выходные и праздничные дни на этой самой набережной, как на гигантской палубе судна, под зонтами кипарисов местные старики, мужчины и женщины пили кофе, беззаботно смеялись и вели свои неспешные разговоры. Здесь же когда-то прогуливались молодые мамы с детскими колясками, а на пляже юноши и девушки шумно играли в волейбол...

- Эй, каца*, – окликнула Анкудина простоволосая женщина в изодранном платье, – не видал ли ты здесь маленькую девочку?

- Не видал, – угрюмо ответил Еремей и, даже не взглянув на нее, продолжал идти.

Но женщина, подбежав, преградила путь мужчине и, взявшись за рукав его плаща, заставила остановиться.

- Я узнала тебя, ты местный лесник, – жалкая улыбка застыла на миловидном лице, обрамленном, свисавшими по щекам, седыми прядями. – А меня Бабуцей зовут. Мы тут неподалёку живём. К нам пришли сумасшедшие люди, стреляли, мужа убили, а в меня не попали. Сыночки спрятались, а доченька убежала. Рыженькая такая, вся в веснушках. Может, встречал где?

- Нет, сестра Бабуца, не видел я твою девочку, – Еремей сочувственно коснулся ладонью плеча озабоченной горем матери. – Найдётся твоя дочка. Скоро мы изгоним злодеев, и все пропавшие вернуться в свои дома.

- С тобой, брат, рядом волк, – женщина с удивлением, но без страха провела ладонью по загривку Серого, – и ты его не боишься. Видно, и в правду, люди нынче стали страшнее зверя?..

Егерь пошел дальше, а женщина продолжила искать свою рыжеволосую дочь. Она еще не знала, что тело ее родного существа где-то остывает в серой дорожной пыли.

Бабуца в свои тридцать с небольшим лет поседела в один миг, когда боевик на ее глазах застрелил мужа и направил автомат на ее ребёнка. Женщина кинулась на убийцу, сбила его с ног, и пули рассекли небо. Она успела вытолкнуть дитя за калитку и выкрикнула вслед, чтобы та бежала.

Что происходило с нею после, Бабуца помнит смутно, как жуткий сон в болезненном бреде. Потолок времянки, куда втолкнули ее грубые грязные руки, и швырнули на топчан, долго, невероятно долго раскачивался рывками перед глазами. Насильники сменялись один за другим,

*каца – обращение к мужчине (абхазское, абазинское)

но она не ощущала ни их потных прикосновений, ни боли от хлестких ударов по телу. Все лица были одинаковы. Но запомнилась рука, ударившая ее, и перстень на безымянном пальце с черепом и перекрещенными костями.

Мученья женщины оборвались разом, когда она, вконец измороженная потеряла сознание. Очнувшись, Бабуца вышла за порог, с трудом добрела до окон дома и, заглянув в него, увидела затаившихся под кроватью двух своих сыновей. Первой мыслью ее была, поскорее разыскать дочь...

Голод и безлюдные улицы городка придали волкам дерзновенность в поиске добычи. Они, уже не чуя страха, вышли из подчинения вожака и, словно мутная вода в половодье, безудержно разбегались по извилистым улочкам и глухим переулкам. Гривастый с отчаяньем метался меж строе- ний, кустарников и деревьев. Он пытался призвать собратьев к осмотри- тельности. Но те разбрелись по дворам, и каждый, как мог, добывал себе пищу. Сжирались перепуганные кошки, бродячие собаки и беспечные ку- ры, разбежавшиеся по округе. Легкой добычей становились нерастороп- ные утки и любопытные индейки, с удивлением разглядывавшие серых, пронырливых зверей.

Измождённый Гривастый и сам был не прочь хоть чем-нибудь унять беспрерывное урчание в кишках. Но чуял он, что за беспечность в этом чуждом месте можно расплатиться жизнью. И тут откуда-то к волку под- скочила неведомая тварь, напоминавшая ему своим видом шерстистого человеческого детёныша. Хищник, не встречавший прежде обезьян, насторожился и отпрянул в сторону. Прирученная мартышка с обрывком поводка на шее, никогда не испытывавшая страха перед животными, кроме, как перед человеком, вновь подошла и бесцеремонно ткнула лап- кой в морду волка. Тот, брезгливо отфыркиваясь, отвернулся и увидел, вдруг появившегося из-за угла, Безухого. Волк, с налипшей к морде бе- лым пухом, своим рыскающим взглядом, как бы предлагал Гривастому, мол, чего медлишь, давай разделаемся с этой визгливой глупышкой. Но алчных намерений Безухого вожак явно не разделял. Его, всегда отли- чавшегося разборчивостью к еде, удерживало отвращение, а еще и запах человека от кожаного ремешка, болтавшегося на ошейнике обезьяны. И Безухий, видно, решил, что пришла пора проучить, отощавшего, а значит, и уступавшего ему в проворстве и силе своего недавнего обидчика. Он сдавленно прорычал и двинулся на Гривастого, раззявив влажную от пены пасть. Вожак не отступил. Он увернулся и выдрал клоч шерсти с гру- дины Безухого. Но тот успел вцепиться в ляжку Гривастого и тут же сам был ухвачен за лапу. Оба волка, не замечая боли, скуля, и подвывая, тер- зали друг друга с остервенением. А мартышка, взобравшись на дерево, визжала то ли от страха, то ли от восторга и хлопала своими розовыми ладошками.

Еремей услышал шум свары уже после того, как Серый, подняв уши торчком, умчался вперёд. Лесник побежал за ним. Через минуту Анкудин увидел дерущихся волков. При появлении Серого, а с ним и вооруженно- го человека оба самца, повинаясь инстинкту волчьего братства, разом прекратили драку, стали бок к боку и приготовились к атаке. Еремей

вскинул ружьё, взвёл курки и беззлобно заворчал, будто урезонивал расшалившихся щенков:

- Ну, а вы-то, чего тут рыщете, когда вокруг и без вас полно двуногого зверья? А ну-ка, брысь в свои леса, окаянные!

Пара одуревших от ярости хищников и человек с прирученным волком стояли друг против друга, как кровники, встретившиеся на узкой тропе. Казалось, им никак не разойтись миром. Волки растерянно выжидали, а лесник и не собирался стрелять в, загнанных в городок, страхом и голодом зверей. Затянувшееся безмолвное противостояние нарушил Серый. Он вдруг взвыл, да так громко и протяжно, что голос его среди высотных домов, подхваченный эхом, прозвучал стократной сиреной. Его пронзительный вой вверх Безухого в недоумённое замешательство. А Гривастый, распознав в нем собрата, и, следуя неукоснительному волчьему закону: «своих не убивать», подал команду Безухому и они, развернувшись, бросились бежать. Молодой волчонок, наивно предвкушая легкую победу, кинулся за ними. Но из-за неопытности в охотничьей погоне, а тем более, в лабиринтах извилистых улиц, он потерял преследуемых из виду.

Заплутавший Серый, очутился в гуще кустарников небольшого сквера. Он стоял жалкий от одиночества, поскуливал и озирался по сторонам. Впервые оказавшись в городе без хозяина, волк боялся сдвинуться с места. Рядом зашуршал куст боярышника и на дорожке появился босоногий рыжий мальчик. Он, улыбаясь, подошел и, опустившись на корточки, прильнул щекой к волчьей морде. Серый слизнул бороздки высохших слёз с его лица и, успокоенный близостью человека, присел рядом. Ладонь ребенка ласково теребила серую шерсть волка, а тот от удовольствия урчал, прикрыв глаза. Эти двое, казалось, понимали друг друга, будто родные братья и не могли нарадоваться долгожданной встречи. И в своих чувствах они оба были предельно искренни, потому как один от природы не умел, а другой пока еще не научился притворяться...

8.

Всё когда-нибудь кончается, говорят мудрые старцы, и даже смерть на время перестаёт существовать, когда о ней не задумываешься. И только мертвых навсегда покидают мысли о кончине, потому как она их уже больше не тревожит. Но разумному живому всегда присуще помнить о том, что он смертен, а иначе не способен будет ценить благодать собственной жизни, а тем более, жизни ближнего...

Еремей после долгих и бесполезных поисков Серого побрел вдоль улицы к центру городка. Он шел по вывороченному гусеницами танков асфальту и с недоумением замечал, что всё вокруг усыпано цветами. Егерь пытался понять, как эти розовые астры и желтые георгины могут быть связаны со следами смертоносных машин. Он долго не находил объяснения такой несуразности и вдруг его осенило: «Ведь это же кто-то из горожан встречал военных пришельцев с букетами цветов и бросал их

на танки... И, конечно же, при этом они ликовали! И, вне всякого сомнения, так могли проявлять свои чувства только женщины: матери, жены, дочери и чьи-то внучки с бантиками в косичках. Что же такое происходило с ними, чтобы вот так приветствовать вооруженных людей? Что случилось с теми, кому самой природой предназначено дарить жизнь? И как смотрели на них те, кто вынужден был прятаться от пуль непрошенных гостей? Неужто, торжествовавшие в своей безумной радости, не думали о новом дне, когда придется заглянуть в глаза сегодняшним гонимым? Нет, видимо, они в те мгновения забыли, что все одинаково смертно, и что завтра выжившие и спасшиеся горожане станут их проклинать ...»

Егерь шел быстрым, нервным шагом. За ближайшим поворотом он увидел урчащий «КАМАЗ» с открытым задним бортом. Машина стояла у дома его давнего приятеля Мажары Чечбы. «Переезжает, что ли? – подумал Еремей. – Видно семья абхазов на время решила перебраться к родственникам в дальнее село»

Двое незнакомых парней мегрелов вынесли со двора зеленый диван в бархатной обивке и стали грузить его на машину.

- А где хозяин? – спросил Еремей на их родном языке.
- А Мажара с семьей укатил в Пицунду, – ухмыльнулся один из них.
- Загорать! – рассмеялся второй.
- А вы кто такие будете?
- Мы его дальние соседи, – ответил первый.

На улице появился мальчишка лет семи. Он выкатил, сверкавший никелем, велосипед. Увидев Еремея, ребенок с деловитой серьезностью обратился к нему:

- Пожалуйста, батано, помогите погрузить велик.
- Но, разве он твой? – егерь оторопело заглянул в бесхитростные глаза мальчика.
- Так, всё равно ж пропадет, если Эдик оставил его, – наивно ответил тот.

- Не откажи мальцу, соплеменник, – подал голос с кузова мегрел. – Братишка давно мечтал о таком подарке. Ну, а сам-то ты, чего бродишь без дела? Бежать отсюда надо. Найди машину повместительней и тащи добро из абхазских домов, покуда они разбежались. А как наши подчистят эту грузинскую окраину, тогда и вернемся.

Кровь густой пеленой застлала глаза егеря. Ком в горле не дал ему что-либо ответить. Он, молча, развернулся и зашагал прочь. За спиной раздался насмешливый крик:

- Зря обиделся! Сегодня все так делают и даже наши военные! Сам Главнокомандующий Тенгиз Китовани сказал, что в этой войне гвардейцы должны насытиться! А чем мы хуже их!?

Еремей чуть ли не бежал, дабы поскорей уйти от, опустошаемого, некогда гостеприимного абхазского дома. «Насытиться на горе и слезах со-

седей, – стучали молотом мысли в мозгах Еремея, – на горе таких, как та женщина Бабуца, потерявшая дочь...»

Группа ополченцев, к которой примкнул Анкудин, заняла позицию на берегу реки у самого моста. Перед ними была поставлена задача – взорвать переправу, чтобы не дать противнику продвигаться дальше, в глубь страны. Приказ выполнили и затаились в окопах. Но тут Еремея толкнул в бок, сидевший рядом кабардинец Анзор. Он был один из тех, кто вместе с многочисленными отрядами парней разных национальностей пришел из-за Кавказского хребта в помощь народам Абхазии.

- Ты посмотри, что они делают, – доброволец протянул Анкудину свой полевой бинокль. – Эти псы не успокоились и вздумали использовать людей, как живой щит.

Егерь приложил окуляры к глазам. К взорванному посредине мосту приближался танк. На его броне сидели плачущие дети, а впереди шли, связанные между собой веревками, женщины и старики. Когда, рокошущая машина подошла к берегу, из-за нее выдвинулась группа гвардейцев с инструментами для починки моста. С подъехавшего грузовика вывалили брёвна и доски и принялись за дело. А ополченцы с, наведенным на противоположный берег орудием, растерянно смотрели друг на друга.

Еремей поднял бинокль на селян, стоявших перед танком, и разглядел знакомое лицо. Это был грек Георгий Таидис - мужчина шестидесяти лет, известный местный сыродел. Он единственный в этой угрюмой толпе невольников, беспокойно взмахивал руками и что-то кричал в сторону правого берега. Из-за шума реки и дизельных моторов слов было не разобрать.

- Что нам хочет сказать тот несчастный старик? – спросил егеря молодой чеченец, лежавший по правую сторону от него.

- Услышать невозможно, но по губам могу понять, – Еремей слегка приподнялся над бруствером, – он просит нас по-абхазски, стрелять в него, не жалея. А еще он по-гречески взывает к Богу наказать злодеев за нашу попорченную землю.

- Пока Господь снизойдёт, мы сами их накажем, – спокойно произнес по-русски восьмидесятилетний, но всё еще крепкий абхаз Амиран.

- И покажем им кузькину мать, – ухмыльнулся бородатый казак Фёдор, прибывший сюда добровольцем из-под Армавира. – Кровушкой своей умоются бисовы дети.

- Эх, нам бы гранат противотанковых, – шумно, с горечью вздохнул ополченец армянин, – чтобы прицельно по гусеницам шарахнуть. Враз бы разбежались эти гурджияне.

- А у меня есть чем шарахнуть, – весело рассмеялся юноша абхаз в морском бушлате, достав из полевой сумки стеклянную бутылку с мутной жидкостью. – Я в танковых служил и знаю, куда шарахнуть.

- Ты, что, Даур, этой фиговиной думаешь подпалить броню? – кабардинец недоверчиво взглянул на парня.

- Дело верное, – поддержал абхаза казак, – это коктейль Молотова. Такими штуками в Отечественную наши деды немало «тигров» посжигали. Только, сумеешь ли, сынок, попасть в него?

Вопрос Фёдора остался без ответа. Все сосредоточенно смотрели на отремонтированный мост, на который напозлал танк. На нём уже никого не было, но командир отряда, сорокалетний абхаз Нурби не решался давать команду на залп из орудия. Он опасался, что осколки снаряда могут задеть и мирных селян. А оккупанты плотным строем, с автоматами наперевес следовали за громышающей машиной. Как только её сверкающие траки коснулись земли правого берега, вдруг неожиданно для всех, из окопа выскочил Даур и, как заяц, петляя, бросился вперёд. Не пробежав метров десяти, он, размахнулся и швырнул бутылку с зажигательной смесью под дуло танка, и тот, качнувшись, остановился. Металл в одно мгновение взялся пламенем и из горящей машины с криками стали выскакивать гвардейцы. Со стороны окопов их начали было расстреливать, но тут вновь замаячила фигура Даура. Абхазец, пригнувшись, подбежал к танку, взобрался на него и бушлатом своим, сбив огонь, скрылся внутри башни. Вскоре боевой трофей уже был на позициях обороняющихся. Первым к нему подбежал Нурби и, прильнув к смотровой щели, крикнул:

- Давай, сынок, разверни башню и долбани по мосту!

Ствол медленно опустился и грянул выстрел. От только что отремонтированного моста полетели щепки. Крышка люка откинулась и, к удивлению людей, повывезавших из окопов, над башней появилась голова незнакомого молодого парня с синяком под глазом. Следом, подталкивая его, высунулся, улыбающийся Даур.

- Принимайте пленного! Этот, обделавшийся механик сидел за рычагами, зацепился там своим тряпьем и не успел сбежать.

Подошедший молодой черкес, стянул на землю незадачливого водителя. Дрожащие ноги его не держали, и он, опустившись на траву, осоловелым взглядом озирался по сторонам.

- Ты кто? – подступил к парню командир.

- Я не гвардеец, – залепетал тот на ломаном абхазском языке, – я не солдат. Я в Кутаиси на бульдозере работал, мусор на свалке разгребал.

- Слушай, мусорщик, имя у тебя есть? – Анзор встряхнул за ворот танкиста.

- Махарашвили я...

- Вот те на, едрёна вошь! Фамилия-то, кажется, известная, знаменитая, – присвистнул бородатый казак и с хитрой ухмылкой добавил. – А, может, он внук того самого боевого старика?

- Какого еще старика? – спросил кто-то.

- Из фильма «Отец солдата», что ли? – Даур с изумлением вскинул брови.

- Да, да, я внук своего деда, – глаза парня загорелись надеждой на милость пленителей, – я внук того самого...

- Ну и, зачем же ты врешь? – вперёд вышел осетин Тотраз из Алагира. – У киношного героя Георгия Махарашвили единственный сын погиб в Берлине.

- Ах, ты сучий потрох, – Фёдор поднял кулак над головой кутаисца, но, сдержавшись, опустил руку. – Что ж ты, падло, фамилию хорошего человека позоришь. Из-за таких, как ты мудаков – тень мерзкая падает на всех твоих порядочных соплеменников. Скажите, братцы, я не прав? – он обернулся к однополчанам, – Ведь есть же среди них и простые работяги с человеческой совестью. Не то, что эти выродки...

- Никто не спорит, кубанец, ты прав, – заговорил старик Амиран. – Есть у них и добрые люди и мудрые старики, но они молчат. Почему не возмутятся и не остановят своих сыновей и внуков, несущих смерть на мою землю?

- Так, запуганы, небось, да одурманены своими предводителями с бараньими мозгами, – казак в поисках поддержки, обернулся к командиру.

Но тот, молча, отвёл взгляд. Не просто было ответить Нурбию, потерявшему в этой войне жену и дочь школьницу.

- Их дурман обходится нам большой кровью, – вперёд вышел молодой человек.

Этот был школьный учитель из Пицунды. Он появился в отряде пару дней назад. Его отца грузина и мать абхазку убили в первый же день нашествия, когда они поехали к своим старикам в горное село. Похоронив истерзанные тела родных, сын примкнул к ополченцам.

- Да, уважаемый Фёдор Лукич, – спокойно продолжал педагог, – у моего народа есть такие, которыми гордятся не только грузины, но и все, кто о них слышал. Это и простые труженики, и писатели, и артисты, и художники, и режиссёры. Но разве их имена можно поставить рядом с какими-то душегубами и их вожаком, коварным лисом Георгием* Шеварднадзе?

- Успокойся, брат, – к учителю подошел Тотраз и положил ему на плечо руку, – ты добрый и грамотный человек. Всё верно говоришь. И мы хорошо понимаем, что это отребье и народ Грузии, не одно и то же.

- Рассудком понимаем, – Даур гневно ударил кулаком по броне танка, – а сердце-то противится и не хочет слышать никаких объяснений! Ну, скажите, как мне не ответить пулей на наглый девиз этих бандитов: «Хороший абхаз – это мёртвый абхаз»?

- Не горячись, парень, – продолжал осетин, – эти олухи повторяют дурную шутку американцев, которые когда-то так оценивали местных индейцев. А я расскажу вам, как в Цхинвале во время такого же нашествия грузин, в прошлом девяносто первом, моих родственников спасла семья сванов**. Когда к ним пришли гвардейцы Звиада Гамсахурдиа, старуха-мать, как сидела так и не встала с сундука, под которым был лаз в подвал. Там мои племянники со своей матерью прятались. Их сдал за пачку сигарет «Мальборо» их сосед соплеменник, обыкновенный пьяни-

ца. Солдат, не добившись от пожилой женщины признания в укрывательстве, ударил ее прикладом по голове, после того, как она плюнула ему в лицо. Бедная старушка свалилась на сундук без сознания, а к вечеру скончалась. Вот так грузинская бабушка пожертвовала собственной жизнью ради, казалось бы, чужих людей.

- Упокой, Господь, душу той мужественной женщины, – старый абхаз перекрестился. – И все-таки, в моём мозгу никак не укладывается, как смеют убивать нас те, с чьими отцами мы только вчера за одним столом пили чачу, говорили тосты, обнимали друг друга и клялись в вечной дружбе?

Командир Нурби, до этого долго молчавший, но внимательно прислушивавшийся к разговору, отдал распоряжение, отправить пленника в штаб и обернулся к Амирану:

- Что касается морали этих убийц, скажу, отец, так: их политики и командиры, дабы оправдать свои злодейские намеренья, вбили в головы этим нелюдям, что нас можно уничтожать, потому что мы чужие, не такие, как они, и что, будто они во всём лучше нас. Всякий убийца разделяет всех людей на «наших» и «ненаших». Так случился *Георгий – в конце 1992 года, во время Грузино-Абхазской войны Эдуард Шеварднадзе в возрасте 65 лет принял обряд крещения и был наречён церковным именем Георгий.

**сваны – одна из народностей, входящая в грузинскую нацию. лось и в Гражданскую войну, в которой до сих пор, даже Богу не разобраться: кто были наши – «белые» или «красные».

- Всё равно, не понимаю, – упорствовал старик. – А, куда же у них подевалось христианское человеколюбие?

- Попробую я тебе объяснить, – Еремей опустил рядом с Амираном, сидевшим на земле. – В моём раннем детстве наша семья проживала в селе. И жил там один странный эстонец садовод. Он, как и все селяне разводил кур, индеек, коз и прочий скот. Этот трудолюбивый человек имел настолько чувствительное сердце, что выращенную им живность, сам никогда не мог зарезать. А если в семье появлялась необходимость отрубить курице голову или забить кабанчика, он об этом просил своего соседа бухгалтера. Но вот что удивительно, когда тот сосед куда-нибудь отлучался, а его супруге надо было приготовить мужу обед из домашней птицы, то она обращалась к этому самому садоводу. И он запросто брал в руки топор и отсекал голову гусю или индюку. Эстонец объяснял это тем, что на своих у него рука не поднимается, а лишить жизни чужой твари может легко.

Закончив свой рассказ, Еремей обернулся к Амирану. Но по мрачному виду того было понятно, что и такое объяснение его не удовлетворило.

- Что ты такое говоришь, Еремей? – недовольно заворчал он. – При чем тут куры и кабанчики? О человеческой жизни я думаю, а он мне про какого-то малодушного крестьянина сказки плетёт...

Во время боевых действий люди старались не особо распространяться о личных бедах и потерях. Почти у каждого были свои горькие утраты. Война не обошла горем и в семью Амираана. Его двое младшие, неженатые сыновья погибли в боях под Очамчирой, а старшего Эреджиба гвардейцы убили на глазах собственных детей и его жены Бабуцы, в собственном дворе. Гораздо позже старый абхаз узнал, что в тот день, когда он ушел копать оборонительные окопы, убили и его девятилетнюю внучку, рыжеволосую искорку Фриду. Принять участие в похоронах своих родных Амираан не смог: к вечеру ополченцы с боями покинули городок...

9.

Ранняя осень накрыла Абхазию сумрачной вуалью. В израненных и загубленных садах и виноградниках долго держались, не осыпаясь, обугленные листья. Они, как проржавевшие жестянки, казалось, дребезжали на осеннем ветру и этим траурным звоном оплакивали себя. В глазах селян и горожан не было ни покоя, ни радости, как бывало прежде, когда они, убрав со своих участков урожай, предавались веселью, угощая друг друга, Богом данным, молодым вином. В этот год свой урожай собирала война.

В мирные времена осень в этих краях всегда была для местных жителей и приезжих золотой порой, расцвеченная щедрым южным солнцем и, овеянная ароматами, созревающих мандарин и вечнозеленой магнолии. Нынче же в спёртом свинцовом воздухе витал лишь запах человеческого страха, ненависти и смерти.

Армию Грузии составляли не только солдаты Госсовета, но и множество разрозненных, плохо организованных групп из, выпущенных из тюрем, по случаю войны, уголовников, наркоманов и прочих иноземных наёмников. Эти, совершенно никем не управляемые молодцы, откровенно заявляли, даже местным жителям, мол, если их начальство не позволит им грабить, то они развернутся и уедут. И никакой ни президент, ни полевые командиры им не указ. Так они зачастую, в общем-то, и поступали, уложив в грузовики награбленное, уезжали и больше не возвращались. Но кое-кто из них, кому не доставался транспорт, набивали рюкзаки «лёгковесной» добычей: драгоценностями и деньгами, и уходили не по трассе, а из-за страха перед народной мстью, тайными тропами через горы.

В тот, беспокойный год не прекращающейся войны, местные жители, возвращаясь из лесу с дровами, ягодами и дикими фруктами, часто пересказывали друг другу жуткие случаи встреч со Снежным человеком. Но что за существо это было на самом деле, никто толком объяснить не мог. То ли они видели разбежавшихся приматов из разгромленного гвардейцами Сухумского обезьяньего питомника, то ли это были сами, заблудившиеся и одичавшие бандиты, разбредшиеся по лесам.

Поздним вечером того чёрного для Бабуцы дня она нашла тело дочери и похоронила его в своём дворе. Этой же ночью женщина подожгла временку, напоминая ей об ее унижении. Бабуца стояла в сторонке и безучастно смотрела на пламя, пока строение не выгорело дотла.

Абхазы всегда по древней традиции предков хоронят родных на своей родовой земле. Вот и ребенок Бабуцы нашёл свой последний приют рядом с отцом, убитым с нею в один день. А, чудом уцелевшие сыновья восьми и четырнадцати лет, оставшиеся без мужской опеки, теперь чуть ли не каждый день вводили мать в страх, грозясь «уйти на фронт и отомстить за папу и сестрёнку». Женщина, как квочка над цыплятами, тряслась над ними и следила за каждым их шагом.

Жизнь в разоренном городке без электричества и газа становилась изо дня в день всё тяжелей и невыносимей. Люди вынуждены были, в поисках топлива, преодолевая страх, ходить в лес за сушняком. И Бабуца часто, заперев мальчиков в доме и, сунув топор за бечевку, которой опоясывалась, уходила за дровами. Но и там, в лесной тиши женщина не находила успокоения своему измученному горем сердцу. Она, случалось, забываясь, подолгу, бессмысленно бродила по заросшим тропинкам и неосознанно надеялась встретить своего, навсегда потерянного ребенка. «А вдруг я похоронила чужое дитя, рассуждала женщина вслух, словно в горячечном бреде, а моя девочка просто заблудилась, собирая ягодки... Вон там, кажется мелькнуло ее розовое платьице, шептала Бабуца и продиравшись сквозь колючие заросли, а достигнув кизилового куста с краснорозовыми плодами, разочарованно обходила его и вновь искала свою дочь...»

Однажды Бабуца, одурманенная горестными мыслями, углубившись в лесную чащу, не заметила, как оказалась на волчьей тропе. О том, что это путь хищников женщина догадалась, услышав звериное завывание. Она уже хотела отступить и бежать прочь, как вдруг этот вой обернулся в человеческие стенания. Бабуца достала топор, шагнула вперед и отвела рукой нависшую перед глазами ветку. В глубоком овраге, рядом с поваленной огромной сосной она разглядела человека. Тот лежал, скорчившись, и тихо поскуливал. Услышав треск сучьев, он поднял голову. На заросшем, словно мхом, грязном лице человека искривились губы в улыбке безумца. Его запястье правой руки было зажато медвежьим капканом, привязанным цепью к мертвому дереву. Рядом валялся кусок затхлого мяса, за которым, по-видимому, и потянулся голодный бродяга. Бабуца подошла поближе.

- Женщина... мать, – прохрипел мужчина на грузинском языке. – Если ты не приведение, помоги мне...

Взгляд абхазки и блуждающие глаза, просящего о помощи, встретились. Она поняла, кто лежал перед ней на измятой, пожухлой траве, провонявшийся в своих испражнениях.

- Эй, старуха, не оставляй меня, спаси, – взмолился мужчина. – Высвободи, сдай своим, но только не бросай...

«Старухой меня назвал, – подумала Бабуца, и сердце ее вдруг охватил леденящий холод. – А, может, это ты один из тех, кто, измываясь надо мной, так меня состарил? А, может, ты тот, кто лишил меня дочери...»

- Скажи мне, – женщина склонилась над истощённым и смердящим телом, – скажи мне одно и я не уйду, оставив тебя подышать. Клянусь словом матери, не быть безучастной к твоей падшей душе. Покайся, несчастный...

Блеск лезвия топора в руках Бабуцы отразился в выпученных глазах гвардейца.

- Каюсь, в чем угодно покаюсь, но только не убивай...

- Скажи, это ты выстрелил в бежавшую по улице маленькую девочку?

- Нет! – взвизгнул мужчина. – Не я, это не я...

Матери было достаточно видеть эти, сузившиеся, черные бусинки зрачков, чтобы понять – перед ней, без сомнения, убийца ее ребенка.

- Прости меня, ради Святого Георгия, прости, сестра, – загнусавил бандит. – Я не знал... я думал, что это бежала какая-то рыжая собачонка...

- Это была моя дочь...

Бабуца, стоя перед ненавистным и, в то же время, жалким до омерзения подобием мужчины, почувствовала, как закружилась голова, и она уже готова была потерять сознание. Женщина опустила на ствол сосны, вдохнула глубоко несколько раз и свет перед ее глазами вновь прояснился. Она сидела, молча и, глядя на своего кровного врага, мысленно обращалась к нему: «Был ли ты человеком, стреляя в дитя, или еще прежде убил человека в самом себе? Почему не отсохла твоя мерзкая рука до того, как твой палец нажал на курок? Мне бы сейчас, хоть на мгновение, заглянуть в глаза той, что тебя родила и спросить: зачем ты выносила этот плод и, как не разверзлось твоё чрево и, почему не прокисло в твоих грудях молоко, чтобы он им захлебнулся?.. Что б ответила мне она, несчастная, ставшая матерью детоубийцы? Нет, я не проклинаяю ее, а жалею, зная, что ей сейчас впору завидовать мне. Завидовать, потому что я своё безгрешное чадо упокоила в могиле, а она взрастила душегуба, чтобы он, как зверь скитался по лесу. И теперь, до скончания века её хлеб будет горек, как желчь, а изголовье – жёстким камнем...»

- Освободи меня, умоляю, – снова запричитал пленник. – Прояви милосердие, ведь мы же с тобой одной веры...

Бабуца уже не слышала его голоса. Ее взгляд застыл на окровавленной, стиснутой капканом, руке с перстнем на пальце. Перстень был с черепом и перекрещенными костями...

«Вот он валяется передо мной, как зажатая вилами в угол крыса, – судорожно мелькали мысли в голове женщины, – Но даже у него, моего насильника и убийцы моего дитя, я не в силах отнять жизнь. И не смогу

отвернуться и уйти, оставив его без отмщенья. Этот нелюдь умоляет, не убивать его и отпустить. Я дам ему одно из двух, что он просит...»

Бабуца встала и занесла над капканом топор, сжав рукоять обеими руками.

- Смотри, не промахнись, – прошептал дрожащими губами боевик, – умоляю тебя, только попади по звеньям цепи, только попади...

Абхазка твердо знала, что попадет именно туда, куда надо. Она закрыла глаза и с надрывным выдохом опустила топор, и не промахнулась. Женщине много раз приходилось разделять домашнюю птицу на должные доли. Кухонный тесак Бабуцы всегда легко вонзался в места сочленения суставов. И на этот раз она попала точно туда, где сходилась кисть правой руки с запястьем.

Со звериным рёвом высвобожденный пленник опрокинулся навзничь и потерял сознание. Из его обрубка хлестала кровь. Бабуца сняла свой платок и туго перевязала обезображенную руку. В зубастой челюсти капкана осталась зажатой, грязная кисть с синюшными, обгрызенными ногтями и перстнем на безымянном пальце...

10.

Волки покинули городок так же внезапно, как и появились. Им здесь больше нечем было поживиться: бездомные псы и кошки разбежались, а, выживших домашних птиц растащили изголодавшиеся гвардейцы. Гривастый, всё же, сумел собрать свою стаю и увел ее в леса. Вернее, это он сделал не один, а с помощью Серого, которого встретил в скверике, рядом с мальчишкой.

Увидев матёрого самца, молодой волк приготовился защитить своего маленького друга. А рыжий парнишка, всё с той же наивной, добродушной улыбкой, поманил Гривастого. Но тот, не обратив на него внимания, подал знак серому собрату, издав примирительное урчание. Некоторое время волки приняхивались друг к другу, а затем развернулись и убежали. Расстроенный мальчик остался один. И он вновь ощутил необъяснимую тревогу и непреодолимое желание, куда-то бежать, кого-то искать и непременно найти. И ребенок, покинув сквер, помчался по улице в сторону железнодорожного вокзала...

Волки, бесцельно скитавшиеся по закоулкам и пустующим дворам, сразу начали откликаться на призывный зов своего предводителя. Ему в унисон вторил пронзительный и сильный голос молодого волчонка. Блуждавшие звери начали поодиночке и разрозненными группами сбегаться на окраину городка. Когда вся стая собралась, Серый и Гривастым увели её за собой. На подступах к лесу, волки остановились. Молодой волк отошел в сторонку и присел на задние лапы. Своим независимым видом Серый давал понять вожаку, что дальше с ними он идти не намерен. Гривастый приблизился к нему и их взгляды встретились. Наверное, матёрый волк, умудрённый нелёгкой волчьей жизнью, пожелал ему побе-

речь себя. Вскоре стая скрылась в лесной чаще, а Серый кинулся в сторону поляны к хижине егеря Анкудина.

Судьба Безухого, заплутавшего в дебрях городка, обошлась с ним жестоко. Она уготовила строптивому волку то, что оказалось пострашнее смерти для вольнолюбивого зверя. К тому времени он, вконец истощавший и, потерявший из-за голода чувства страха, стал всё ближе и чаще подступаться к людям. Но тянулся он не к тем, в чьих глазах застыла ненависть и не к тем, с поблекшими от горя взглядами. Безухий кружил невдалеке от веселых, сытых, с лоснящимися от жира лицами, парней. Его даже перестало пугать оружие в их руках. Они обычно громко смеялись, много пили и ели, разбрасывая во все стороны, не до конца обглоданные кости. Одинокий бродяга приноровился подбирать объедки и пожирать их, пьянея от сладостной истомы.

Однажды Безухий заметил таких мужчин, шумно поедавших молодого поросенка, сидя на траве в тени танка. И он, улёгшись в сторонке, стал выжидать, когда закончится их беззаботный отдых, и они уедут, оставив за собой объедки. Но те не торопились и продолжали трапезничать, расшвыривая, так желанные для волка косточки и непрожеванные хрящи. Дурманящие запахи вынудили Безухого подкрасться к ним поближе. И тут его заметил один из гвардейцев. Он подал знак приятелям и те без лишних слов сообразили, что нужно делать. Добротный шмат сала, слегка поджаренный на костре, и привязанный к концу длинного шнура полетел в сторону затаившегося волка. Тот, настороженно принялся и почувствовал, как спазмы клещами перехватили желудок. Лакомая пища валялась чуть ли не перед самым его носом. Надо было, всего лишь на каких-то полкорпуса проползти вперёд и он бы уже ощутил вкус этого жирного, пахучего куска. Безухий заелозил по траве, заскользил ужом, давясь своей слюной, но ароматное сало оставалось недосыгаемо. Волк, с затуманенным взором, не замечал тонкого шнура, конец которого, сброшенный под, заглушенный танк, медленно утягивал его добычу. Сухопарый картвел с плутоватым взглядом, лежа на земле и, высунув кончик языка, ухмыляясь, неспешно подтягивал приманку, увлекая волка под железное брюхо машины. И тот, словно кролик, замороженный удавом, тянулся в пасть своей гибели. А тем временем, с передней стороны танка Безухого поджидал, замерший на броне под дулом, здоровенный сван. И как только волк высунулся наполовину, он набросил на него лохматую черную бурку. Зверь даже не успел опомниться, как горло его перехватили цепкие руки, а в пасть всунули поперёк короткую деревянную палку, и зафиксировали ее на затылке узлом верёвки.

Среди оккупантов считалось особым шиком, передвигаясь по населенным пунктам на бронемашинах и танка, красоваться обезьянками или павлинами, держа их на поводках. Вот и Безухому была предоставлена роль такой забавы. Несчастливого хищника усадили в наморднике рядом с башней, и молодой гвардеец, высунувшись из люка, крепко держал его за

ошейник. Машина с грохотом катила по мостовой, а волк, дрожа всем телом, озирался по сторонам. В его желтых зрачках попеременно отражались и страх, и безудержная злоба. Если вообразить, что животное способно мыслить, то, зная неистовый характер Безухого, не трудно представить себе, какие чувства полыхали в его воспаленном сердце. Невольнику, скорее всего, в эти мгновения было ненавистно всё живое вокруг. Возможно, он клял свою стаю и Гривастого, и ту строптивую самку, из-за которой его когда-то изгнали из семьи. Он был настолько озлоблен на весь человеческий и волчий род, что дай ему сейчас волю, он бы, наверное, в клочья изодрал этих сытых парней, и без сожаления, снова перегрыз горло тех волчат-сосунков, и самки и вожака, и всякой твари, посмевавшей когда-то стать на его пути. И кто знает, быть может, этот зверь, плененный из-за своей причастности к волчьей породе, сожалел о том, что не родился обыкновенным псом. Он отдал бы полжизни, только б превратиться, хотя бы в паршивую, бездомную шавку, до которой никому не было бы никакого дела...

11.

Война за освобождение Абхазии длилась непрерывно. Оккупированные территории то очищались от захватчиков, то вновь с боями уступались обороняющимся. В один из таких периодов гвардейцы были изгнаны из городка и жизнь в нём, как будто бы, возобновилась. Робко, с опасливой оглядкой, открывались двери продуктовых ларьков и небольших семейных магазинчиков. Они оживали, словно лепестки, не до конца поверженных, бутонов цветов после сокрушительного града. Из ближайших сёл стали наезжать крестьяне, привозя на продажу всякую живность и продукты, чтобы здесь закупиться хлебом, солью, спичками и керосином. Горожане стали чаще появляться на улицах. Они собирались небольшими группами во дворах и на площади возле церкви, считавшейся хранимым Богом местом. Старики и старушки, уставшие от войны и давно уже с душевным спокойствием относящиеся к смерти, выгуливали в сквере своих домашних питомцев. Отчаянные мальчишки с гиканьем и свистом носились воробьиной стаей на велосипедах, воображая себя ополченцами и разведчиками. Но местный рынок еще никто не торопился обживать из-за страха перед новым нашествием. Предприимчивые обыватели пока что занимали места торговли у взморья и на железнодорожном вокзале. Они, как и в мирные дни, устанавливали тенты и жарили шаурму, кебаб и шашлыки. Но клиентов здесь всё еще было меньше, чем продавцов. Покупатели, обходя стороной дымящиеся мангалы, чаще подходили к корзинам и расстеленным на земле клеенкам селян, предлагавшим то баночки фасоли, крупы и лесных ягод, то пакетики с картофелем и кукурузной мукой. В разношерстой толпе встречались и изувеченные в боях молодые и пожилые люди, но никто из них не просил милостыни. Попрошайничали бездомные и потерянные дети. Но и их, выклянчивавших, кто копейку,

кто конфетку или пирожок, было не так уж и много. Среди этих неприка-
янных и голодных ребятишек выделялся один – рыжий, босоногий маль-
чик. Этот ничего и не у кого никогда не вымалывал. Он просто плясал пе-
ред прохожими и пел смешные детские песенки на абхазском, русском и
грузинском языках. За это его люди сами одаривали заработанной пла-
той...

Бабуца, возвратившись из лесу, никому не рассказывала, что там с
нею произошло. Это было ее дело, ее тайна. Но и после свершившегося
возмездия, сердце ее оставалось разбитым. И лишь два родных существа
в залатанных штанишках и истрепанных рубашонках смотрели на нее го-
лодными глазами и заставляли жить. Почти все носимые вещи и продук-
ты утащили с собой грабители. Деньги, сбереженные семьёй на светлый
или чёрный день, давно иссякли, растроченные на еду. Всё возможное,
что оставалось ценного в доме, Бабуца давно обменяла на муку и картош-
ку...

- Мама, а давай продадим мой самокат и купим, хотя бы маленькую
курочку и зажарим ее, – ластится к матери младший восьмилетний Вита-
лик.

- Хорошо, сынок, я схожу к скупщику дяде Абзаге, продам ему свой
нательный крестик и куплю вам индюшку.

- Не нужна нам индюшка! – старший четырнадцатилетний Апту наки-
нулся на брата. – Как без креста Бабуца будет Богу молиться?

- А Бог не увидит, – Виталик мышью юркнул под кровать. – Наша ма-
ма теперь всегда в платке ходит и узелок на шее завязывает.

- Успокойтесь, дети. Я что-нибудь придумаю, – утешила сыновей мать.

А придумать она могла только одно: продать своё серебряное обру-
чальное колечко.

Известный в городе скупщик Абзага и до войны частенько выручал
земляков. Его клиентами были не только простые, нуждавшиеся в деньгах
горожане, но и обычные забулдыги, которые всегда водятся среди любого
народа, как короста, даже в самом ухоженном стаде. Эти пьяницы закла-
дывали, а порой просто продавали скупщику за бесценок остатки своей
былой немудреной роскоши: перстни-печатки, портсигары или янтарные
мундштуки. А бывало, что небрезгливому Абзагу они тащили и золотые
коронки, выковыранные ножом из собственной челюсти, или выкраден-
ные у жен сережки и вилки с ложками из драгметалла. Даже во время
войны этот пожилой абхаз Абзага, называвший себя потомком древнего
дворянского рода, умудрялся неспешно продолжать своё дело.

- Что ж, Бабуца, – коммерсант, довольно цокнув языком, отложил в
сторону своё старинное пенсне, – серебро достойной пробы. И оно, и в
самом деле, милочка, вам теперь ни к чему. Коль потеряли мужа, то и
кольцо носить не стоит.

По щеке женщины скатилась невольная слеза. Мужчина, не лишенный сентиментальности, заметил это и, достав свой шелковый носовой платочек, промокнул увлажнившиеся глаза.

- Простите за бестактность. Пожалуй, я восполню вашу утрату двойной ценой. Хотите продуктами, а хотите – российскими рублями?

Бабуца взяла деньги и пошла на железнодорожный вокзал. Сама она родилась в селе, в котором давно уже никого из родных не осталось. Женщина надеялась встретить среди торгующих кого-то из земляков и по-свойски, за умеренную плату приобрести съестное. «Главное, это купить, хотя бы небольшую индюшку, как обещала мальчикам, – размышляла она, – а, если деньги останутся, то возьму для них что-нибудь и сладенькое».

Знакомые ей не встретились, и Бабуца купила живую птицу у розовощекой, дебёлой молодухи. Она обратила внимание на выдающиеся телеса селянки и усмехнулась про себя: товар-то у нее захудалый, косточки бедной индейки так и выпирают, а сама от жира вот-вот треснет.

В рядах с молочными продуктами она увидела пожилого мужчину с черной кожаной повязкой на глазу. Бабуца сразу узнала бывшего соседа своих родителей и, обрадованная подошла к нему и начала торговаться. Тот сделал вид, или на самом деле, не узнал дочь своего умершего ровесника, и никак не хотел уступать в цене.

- Если индюка позволила себе купить, то, чего ж на сыр мой и сметану скуписься? – недобро ухмыльнулся одноглазый. – Ступай дальше и не мешайся тут.

Бабуца не оскорбилась на упрёк крестьянина. Перед ее глазами тускло блеснули, будто затухающие свечи, взгляды сыновей. И она тут же вспомнила имя одноглазого и уже готова была, вернуться и напомнить ему о себе – девчонке с рыжими, как медь косичками, но в этот момент Бабуцу кто-то дёрнул за рукав. Это была та самая розовощекая торговка. Она остановила ее и сунула в руку большой объёмистый пакет.

- Здесь тебе и сыр и сметана и молоко, и домашняя халва, ешьте на здоровье, и помяните моего убиенного племянника Бубу, – выпалила она скороговоркой и убежала к своим корзинам.

Бабуца только и успела, что кивнуть милосердной женщине. Ей стало нестерпимо стыдно за то, что она, онемев от неожиданности, не поблагодарила ее, а еще и за то, как она о ней недавно подумала.

Индюшка, зажата подмышкой, трепыхнулась, напомнив Бабуце о доме и детях, оставшихся взаперти. Но не было сил идти дальше. Она решила немного передохнуть и присела на привокзальную деревянную скамейку. На ее другом конце сидел мужчина в плаще, с ружьём в руках. Бабуца узнала Анкудина.

- А где же ваш волк? – спросила она, приветливо улыбнувшись.

- О, это ты, сестра Бабуца? – Еремей взглянул на горожанку и улыбнулся в ответ. – Своего Серого я послал в разведку, а сам вот охраняю наш вокзал.

- А Сухум еще не освободили?

- Пока еще под врагами наша столица, – егерь устало откинулся на спинку скамейки и прикрыл глаза. – Вчера я туда пробрался и увидел горе своими глазами. Всё порушено, а площадь захламлена всяким мусором, а еще и обгорелыми книгами, старинными свитками и рванными костюмами из нашего театра. Люди там выглядят хоть и настороженными от страха, но не смирившимися с новым порядком. Им не разрешают говорить на родных языках. На моих глазах избили армянскую семью, потому что они разговаривали между собой не на грузинском. Бандиты крушат всё и детские площадки и фонтаны. Если б ты видела, сестра, что они сделали с памятником писателю Дмитрию Гулиа. Представляешь, Бабуца, они расстреливали мёртвый камень, как живую плоть и подзадоривали друг друга: «Цельтесь ему в голову и попадёте в сердце сразу всех абхазов...» Понимали, изверги, что творили.

- Бездушные люди, – вздохнула женщина, – несчастное племя...

- А ты нашла, кого искала? – егерь с беспокойством заглянул в ее глаза.

- Доченьку Фриду я похоронила, – дрогнувшие пальцы Бабуцы затребили концы черной косынки. – Упокоилась моя малышка в одной могиле со своим отцом. Вторую копать – сил не хватило. Бог простит, а покойники, думаю, не обидятся. Что ж, пойду к своим сыночкам. Они у меня такие же, как и вот этот мальчишка, рыжие...

У скамейки остановился босоногий парнишка с глубоким, затянувшимся шрамом на щеке. Он пристально всматривался в лицо Бабуцы.

- Ты, чей будешь, чкун*? – грустная улыбка вспорхнула с губ Еремея.

- Не знаю, – улыбнулся в ответ мальчик, не отрывая взгляда от женщины.

- Тебя покормить или дать денег? – растерянно спросила она.

*чкун – малыш (абхаз.)

Худенький, грязный бродяжка отрицательно помотал головой и, смущаясь, произнёс:

- Нет. Ты, лучше обними меня, – он протянул руки к Бабуце и тихо добавил, – пожалуйста, мама...

Женщина порывисто прижала к груди ребенка и поцеловала его невероятно рыжие волосы, какие были и у ее дочери.

12.

Сыновья Бабуцы Виталик и Апту восприняли появление еще одного рыжего в семье спокойно, но без особого восторга.

- Это ваш брат, и зовут его... – мать на секунду запнулась и вдруг, неожиданно для себя самой, добавила, – зовут его Фридон.

Мальчик в свои уже тринадцать лет, на самом деле, за прошедшие полгода скитаний так и не вспомнил, как его звали по-настоящему. И женщину к ее собственной радости, случайно осенило именем какого-то дальнего родственника.

- Как? – удивленно воскликнул Виталик. – У него имя, почти, как у нашей сестренки Фриды, что ли?

- Это так? – спросил Апту у мальчика.

- Не знаю, – ответил тот со своей неизменной улыбкой.

- А, может, тебя зовут «Незнай»? – Виталик ткнул его пальцем в грудь.

- Он потерялся и ничего не помнит, – поспешила Бабуца на помощь своему новоявленному сыночку. – А вы станете для него хорошими друзьями и любящими братьями.

- А где ты раньше жил? – Апту усадил Фридона на стульчик.

- Я жил под ягодным кустиком, – заговорил тот, вспомнив городской сквер, и куст боярышника. – А потом жил в подвале около вокзала.

- Там я его и встретила, – Бабуца заботливо расстегнула и сняла с мальчика его истрёпанную сорочку. – Икупаешься и переоденешься во что-нибудь чистое.

- Раз он Фридон, то пусть одевает Фридино платье, – с нескрываемым укором произнес Виталик. – Ведь она, всё равно, уже...

- Замолчи, – Апту ткнул пальцем в бок младшего брата. – Я ему свою рубашку дам и новые джинсы с ремнём. Можно, мам?

- Почему, нет? – кивнула мать. – А ты, Виталька, попрдержжи язычок и не смей поминать всуе свою сестренку.

- А где она? – Фридон вопрошающе обернулся к Апту.

- С ангелами наша девочка, на небесах, – Бабуца, перекрестившись, отвернулась, и взгляд ее через окно устремился в глубину сада. – Они всегда забирают самых красивых и самых послушных детей.

- А мы не хотим быть красивыми, – насупился и по-взрослому подбоченился Виталик. – И послушными не будем.

- Не будем, потому что нам надо за папу отомстить, – поддержал брата Апту и взял за руку Фридона. – Пошли, икупаешься в нашей баньке.

- И я с вами! – кинулся к двери Виталик.

- Бегите, – улыбнулась вслед ребятам Бабуца и принялась готовить обед.

Спустя два дня перед женщиной вновь встали прежние заботы: чем кормить детей. Тогда она и решила расстаться с давнишним подарком своей бабушки, старинным нательным золотым крестиком с цепочкой. «Бог, конечно же, увидит, а от детей скрою, – подумала она, – ведь не в крестике ж моя вера...»

Абзага встретил Бабуцу елейной улыбкой, поднаторевшего в своей профессии, многоопытного ростовщика.

- С чем на этот раз привела вас ко мне нужда?

- Не привела, а загнала она меня, – женщина развернула на зеленом сукне конторского стола шелковый платочек. – Почём возьмёте?

- Возьмём по деньгам, – коммерсант водрузил на крючковатый нос своё пенсне. – И так, что мы имеем?.. Ага, золото не из турецких лавок. И работа не штампованная. Что ж, оценим...

- Там и Божья Матерь есть, – смущаясь, поспешно проговорила Бабуца, надеясь, что облик Девы Марии на крестике придаст ему большую ценность.

- Вижу, – прицокнул языком торгаш. – И вы, значит, с этой самой матерью решили расстаться?

- Вынуждена, – вздохнула женщина, – У меня же на руках трое ребятшек.

- Да, да я помню: два мальчика и девочка с каким-то редким и красивым именем.

- Нет уже у меня девочки, – Бабуце хотелось поскорее получить свои деньги и распрощаться с хозяином лавки. – Сыновья у меня: Апту, Фридон и маленький Виталька.

- Простите. Я, наверное, что-то перепутал, – Абзага взял в руки склянку с кислотой и уселся за рабочий столик. – Сейчас я проведу анализ и конкретно определю качество вашего товара. Еще раз примите мои соболезнования по поводу кончины вашего мужа и дочери.

- Не кончины, а убийства, – вспыхнула Бабуца.

- Да, да, конечно, припоминаю, – скупщик, слегка смутившись, еще ниже склонил голову над столиком. – К сожалению, таковы неизбежные законы природы: родиться и умирать...

- Природа к смерти моих родных не причастна, – женщина резко перебила Абзагу. – Бог дал жизнь, а безбожники отняли её...

В это время дверь, ведущая из лавки в жилые комнаты, открылась, и появился невысокий молодой человек в очках и камуфляжной форме.

- Это мой сын Зубер, – с гордостью представил его Абзага. – Он у меня перед самой войной Университет окончил, философский факультет.

- К сожалению, не Московский, – приветливо улыбнулся парень, – а всего лишь на всего, Тифлисский.

- Наверное, потому, что до Москвы дорога обходится дороже, – съязвила, не сдержавшись, Бабуца.

- Что вы? – скупщик понял двусмысленный намёк женщины. – В грузинской столице ставки взяток намного выше чем в России...

- Папа, – с запоздалым упреком оборвал сын отца. – Знания мои не куплены, а получены посредством долгого и упорного труда... А ты, что тут рассматриваешь? Можно взглянуть? О, изумительная вещица. И здесь, кажется, есть какие-то вкрапления...

- Не суй свой нос не в свои дела, – зашипел Абзага тихо, чтобы не услышала клиентка. – Без философов обойдемся. Я сам вижу глазки сапфиров... – скупщик поднял от стола голову. – Сейчас, милая, еще минутку. Золото, как вам известно, я оцениваю не как изделия, а как лом, но всё равно, не обижу.

Сама Бабуца прежде не подозревала, ни о каких драгоценных камушках на своём крестике, принимая их за простые стёклышки. Но тут она услышала о сапфирах. И сердце ее всколыхнулось надежда, что вот сейчас в высокородном сердце земляка проснется благодущие, и он не лишит ее бабушкиного подарка, а милосердно предложит продукты взаимы. Но Абзага на то и был коммерсантом, чтобы не поддаваться подобным слабостям при любой сделке. Былое благородство предков, если оно, когда-то и было, скупщик давно вытравил из себя, как всю свою жизнь вытравливал для проверки серной кислотой приобретаемые вещи. Он назвал цену и Бабуца, поблагодарив, выбежала на улицу, прижимая к груди вырученные деньги, увязанные в носовой платочек.

В тот день, наверное, само Божье проведение завело старика ополченца Амира на ту же улицу. Он издали увидел тщедушную фигурку своей снохи и узнал ее по черному траурному платку. Узнал, но не окликнул. «Что она тут могла делать вдалеке от дома, – обеспокоился он, – что здесь искала несчастна вдова?» Но, рассмотрев на доме, вывеску «Приём всякой всячины», он поспешил внутрь неприглядного на вид заведения Абзаги...

Вечером семью Бабуцы с детьми навестил свёкор. Сноха встретила родственника со слезами на глазах: горестные воспоминания давили душу. Виталик с Апту, не обращая внимания на принесенные дедом Амираном гостинцы, кинулись ему на шею и с восхищением стали вдыхать запах пороховой гари, исходящий от его одежды.

- А, это у нас, кто? – старик ткнул заскорузлым пальцем в сторону рыжеволосого парнишки, стоящего у окна.

- Это Фридон! – радостно выкрикнул младший внук.

- Как ты сказал? – ноги Амира подкосились, и он едва успел присесть на табурет.

- Этого потерявшегося ребёнка я подобрала на вокзале, – смущаясь, заговорила Бабуца. – Вы простите, отец, что не спросила у вас разрешения.

- Что ж, доченька, принять в дом сироту – дело богоугодное, – голос свёкра, внимательно всматривавшегося в лицо приёмыша, дрогнул.

- Он не сирота, он наш брат, дада, – твёрдо по-взрослому вдруг заявил Апту.

- Господь Всемогущий, как же он похож на нашу кровь, – Амиран протянул руки к мальчику и привлёк его к себе. – Обними меня, родной, душа моей светлоокой искорки Фридошки. Я принимаю тебя всем сердцем, и ты прими меня – своего дедушку.

Новоявленный Фридон с искренней нежностью прижался щекой к колючей щетине старика. А тот, слегка отстранив от себя мальчика, стал с любопытством рассматривать его.

- А какого же ты рода-племени будешь?

- Не знаю, дада Амиран.

- Да нашей он породы-племени, – Виталик хлопнул ладошкой по плечу Фридона, – он же по-абхазски, как и мы разговаривает.

- А еще на каком можешь? – дед настороженно свёл на переносице кустистые брови.

- Я, наверное, по-всякому могу, – слегка смущаясь, без акцента ответил мальчик по-русски.

- Молодец, – Амиран ласково взерошил волосы мальчика. – Знать языки, это всё равно, что птице иметь крылья. Какого б семейства она не была, а летать сумеет под любым небом. Будь счастлив, дорогой мой. У тебя теперь есть и мама, и братья, и дед.

- Но нет папы, – мальчик поднял взгляд на семейную фотографию, висевшую в рамке на стене.

- Папу убили враги, – Виталик шмыгнул носом, размазывая по щекам слёзы. – Они его расстреляли... И мы за него отомстим. Да, Фридон?..

Перед уходом Амиран прошелся по комнатам, деловито осмотрел каждый угол, отмечая, что нужно починить и, что подправить. А затем он, пообещав, зайти на днях, ушел в сад и долго, в одиночестве просидел у могилы сына и внучки.

Поздней ночью Бабуца, разбирая свою холодную вдовью постель, обнаружила под подушкой нательный крестик с Божьей матерью и младенцем, и серебряное обручальное колечко.

13.

Весна, сошедшая на Абхазию теплым, ласковым солнцем вселила в сердца людей надежду на скорое избавление от оккупации. Страна, большая часть которой всё ещё оставались под вражеским гнетом, стойко переносила тяготы войны, как человек крепкой воли, упорно борющийся с тяжким недугом. Но главной болью Апсны оставалось ее страждущее сердце – столица Республики Сухум.

Мартовская операция по освобождению города со стороны реки Гумиста не принесла ожидаемых результатов. Подразделениям абхазской армии вновь пришлось отойти на правый берег. В оккупированных населенных пунктах жизнь тянулась, будто в нескончаемых сумерках осеннего ненастья. Люди старались не показываться на улицах без особой надобности. Каждый шаг грозил смертью. А тем временем, в освобожденных местах жизнь возрождалась, но пока еще отдавала горечью человеческих слёз и привкусом запёкшейся крови. Народ, в чьих душах еще свежи были злодеяния бандитов, проявлял себя по разному. Сердца одних война закалила, оставив шрамы напоминаний о скоротечности жизни, в

которой самый бесценный Божий дар, – это обыкновенная человечность. Другие же, одурманенные горем и выстраданной свободой, бросились восполнять свои утраты тем, что тащили из домов бывших соседей беженцев всё, что попадалось под руки. В безрассудстве своём они, казалось, сами не понимали, что творили. Но были среди них и, хладнокровно расчетливые, во все времена знавшие, что после любых невзгод всегда наступит новая жизнь, и она для них непременно должна быть сытой и богатой...

На одной из улиц Еремей встретил командира своего отряда Нурбия. Коренной сухумец, потерявший семью, решил поселиться в этом городке.

- Вернуться в столицу на житьё не смогу, – объяснил он, – сердце не выдержит. За каждым углом будут мерещиться мои покойные жена с дочерью. Останусь здесь. Надеюсь, пожар на пепелища вновь не возвратится. Хочу снять временный угол в тихом месте где-нибудь на окраине. Заброшу свою науку и буду учительствовать.

- О какой науке ты говоришь? – поинтересовался Еремей. – Разве ты не военный?

- Нет, я археолог, и даже кандидат наук, – усмехнулся Нурби, поправляя кобуру с пистолетом на поясе, – в институте работал, заведовал большим отделом. Мы ездили в экспедиции, раскапывали останки древних поселений, могильные курганы. Подтверждали свою историю посредством земляной науки.

- Значит, командиром тебя назначили за умение организовать людей на рытьё оборонительных траншей? – рассмеялся Анкудин. – Но ты, Нурби, как я заметил, и с орудием справлялся, не хуже кадрового артиллериста.

- В Университете я прошел военную кафедру, – археолог залихватски приложил правую ладонь к своей панамке цвета хаки. – Честь имею, младший лейтенант инженерных войск. В данный момент – потенциальный квартирсыёмщик в вашем славном населенном пункте. Но почему-то, я нигде не встретил на домах обычных объявлений о сдаче курортникам хотя бы одного койко-места?

- А мы, Нурби, теперь читаем новые объявления на заборах, – Еремей кивком головы указал на ворота ближайшего дома. – Как тебе это нравится?

На голубой жести белело предупреждение, начертанное мелом корявыми буквами: «Дом не занимает! Собственность каменчика Ирода!» И на соседнем доме была точно такая же надпись, и на третьем и на четвертом.

Понурые однополчане, молча, миновали квартал. Но в следующем они наткнулись уже на «собственность» какого-то обувщика Ераста. Этот сапожник оказался поскромней своего земляка. Он занял всего два особняка. Нурби, вскипевший от злости, заколотил рукояткой пистолета по очередным воротам с объявлением и стал ругаться по-русски.

- Не «занимат», да?! Ах, так вашу мать! Что одной задницей хотите сразу трех лошадей оседлать!

- Эй, ты, чего раскричался? – это был голос мужчины средних лет, появившийся вдруг перед Нурбием.

Еремей не сразу узнал недавнего однополчанина Алхаса. На нём был не по росту новый костюм из ярко синего лавсана, шляпа-ковбойка с загнутыми полями и желтые туфли с непомерно длинными, задранными, как турецкие чувяки, носками.

- Приветствую вас, боевые товарищи, – улыбнулся он, протягивая, выпачканную мелом руку. – Извините за грубость. Не признал своих. Здесь сейчас много всякого сброда околачивается. Недвижимость грабят...

- Чью недвижимость? – командир рывком за грудки притянул к себе бывшего ополченца. – Да, ты знаешь, как это называется, поддонок?

- Не смей меня так называть, сухумец, – Алхас тщетно пытался высвободить свою обновку из рук Нурбия. – Мы забираем у тех, кто принадлежит к той же нации, что лишила тебя семьи.

- Не касайся моих родных своим грязным языком, – археолог разжал пальцы на лацканах пиджака. – Их кровь не возместят ни жилища, ни добро этих несчастных беженцев. Ты же, дурья башка, изгнав вооруженных негодяев, сам превратился в варвара, в обыкновенного мародёра. Скажи, лично ты, сколько домов присвоил?

- Пять, – Алхас, потупив взор, отвернулся. – Они сожгли наш дом вместе с моими престарелыми родителями...

На скулах Нурбия нервно заходили желваки. Еремей, успокаивая сухумца, сжал его локоть и обернулся к Алхасу:

- Мы приносим свои соболезнования и скорбим вместе с тобой. Но, тем не менее, согласись, земляк, не годится порядочному апсуа* зариться на чужое, даже если оно принадлежало твоим врагам. Да и все ли они враги? Ведь были и такие, которые, не пожелав, вместе с пришлыми соплеменниками проливать нашу кровь, бежали отсюда, спасая себя и собственных детей?

- А сколько их здесь оставалось, чтобы, плечом к плечу с нами сражаться против гвардейцев? – спокойно заговорил Нурби. – К примеру, вся Абхазия наслышана о подвигах мегрела Цурцумия - командира разведгруппы на Восточном фронте.

- Я знал его, – голос Алхаса дрогнул, – Реваз родом из села Киндги. Мужественный был парень. А еще я помню и санинструкторов грузинок Ирину и Лианелу погибших на Гумисте.

Еремей глянул в упор, в глаза Алхаса:

- А если б ты сейчас встретился с их душами, что бы сказал им, увидевшим, как вы тут художничаете, расписывая мелом их дома? А они, наверняка, спросили бы тебя: «Неужели, мы ради этого отдали свои жизни?»

- Да, что вы на меня накинулись? – мужчина сдернул с головы шляпу и отшвырнул ее в сторону. – Мы берём имущество не мёртвых героев, а тех трутней, которые обогащались на нашей земле, занимая высокие или доходные посты! Вот эта вилла, между прочим, брошена самым богатым акционером бывшей нашей чайной фабрики. А вон тот особняк принадлежал главарю грузинского мафиозного клана. Вы бы видели, какими позолоченными унитазами и ваннами пользовались эти несчастные беженцы...

- Всё равно, мы по закону не имеем право, что-либо присваивать, – не отступал Нурби. – Страна разрушена, все государственные средства сожрала война. Народ выживает за счет гуманитарной братской помощи. Поэтому, всё бесхозное добро должно пойти на восстановление Абхазии. А вы тут чуть ли не каждые ворота измарали своими письменами: «Не занимает!», будто тот, кто отметился первым, становится полноправным хозяином всей улицы. Ты бы еще на этом свободном небе вывел свои каракули: «Не дышат! Собственность абхаза!»

Ничего не ответил Алхас, покинувшем его мужчинам. Он, молча, подошел к воротам и начал стирать на них ладонью своё имя...

- Я думал, что человек с сердцем, опалённым войной, не уподобится вчерашнему изгнанному зверью, – заговорил Нурби. – Видал, Еремей, * апсуа – самоназвание абхазов что с человеком делает война? Поскорее б нам излечится от этой заразы...

14.

Амиран, как и обещал, пришел на следующий день и занялся ремонтом дома. Мальчишки, как могли, помогали ему.

- Дада, а почему б тебе не поселиться с нами? – вдруг спросил Апту. – Одному, небось, скучно?

Тот промолчал, но в обед Бабуца, накрывая стол, спросила его о том же.

- Нет, дочка, не могу, – Амиран ласковым взглядом обвёл семью. – Не пристало свёкру жить под одной крышей со снохой и детьми, как бездомному вдовцу. В каждом доме должен быть один хозяин. Я – в своём, а в этом – он, мой старший сын Эреджиб, – старик указал пальцем на фотографию на стене.

- Так, тяжело же, небось, одному в пустом доме? – робко заметила сноха.

- Ну, почему? – Амиран потрепал за ухо, елозившего на стуле от нетерпения что-то сказать, Виталика. – Вон сколько у меня родственников, трое витязей внуков и ты, Бабуца труженица. Будете меня навещать.

- И тоже правильно, – не выдержал Виталик. – Может, дедушка жениться собирается.

- Только после твоей свадьбы, пострел, – рассмеялся дед. – Вот женю твоих старших, потом тебя, а после и мне невесту подберем, если, конечно, к тому времени моя избранница не оплешивеет и не околеет.

- Мама, а, можно, я буду иногда жить с дадой, чтобы помогать ему, – несмело произнес Фридон, – пока он не женится...

Амиран приобнял мальчика:

- Спасибо, душа моя. Но сыновья должны жить с матерью. А ко мне вы будете прибегать за конфетами и сказками про нартов...

Тринадцатилетний приемыш быстро освоился в семье Бабуцы. Здесь его жизнь началась с чистых страниц выбеленной, как саван, памяти. И с именем своим он, как откликнулся на него в первый день, так с ним и свыкся. Прошное новой семьи постепенно превращалась и в его собственную прожитую жизнь. Все воспоминания обретенных родственников и для Фридона становились неотделимы от него самого. В них и ему определилось местечко рядом с незримо присутствующей девочкой с бирюзовыми глазами. Со временем мальчик вспомнил ее, бежавшую когда-то по улице, и, упавшую, будто бы она споткнулась...

Бабуца, зная о беспамятстве приемного сына, старалась поддерживать в нем, как росток едва пробившейся к свету травинки, веру, что он попал к родным. Вскоре Фридон привык здесь ко всему: и двор и сад и свежий могильный холм, стали для него своими. И, всё же, где-то в глубине детской души таилось зёрнышко надежды, что когда-нибудь найдется его настоящая родня, и он обретёт сразу две большие семьи...

Наступили первые дни летнего месяца. Однажды мальчишки побежали к реке ловить рыбу. Фридон не присоединился к братьям и их друзьям. Он беззаботно сидел на траве и смотрел на размеренные, завораживающие серые гребешки волн. Река в этом месте не широка и потому отчетливо просматривались дома и люди на ее левом берегу. Откуда-то появилась пестрая бабочка и села на колено мальчика. Он с интересом стал любоваться двумя яркими пятнышками на ее замерших крыльях. Эти кружочки, окаймленные темным ободком, были бирюзового цвета... И Фридону вдруг ясно привиделись глаза той девочки, упавшей когда-то на пыльную дорогу. «Конечно же, это была она, Фрида, – мелькнуло в сознании мальчика, – та самая, рыжеволосая девчонка, о которой так часто вспоминают в его семье...»

- А ты, чего тут расселся? – пискнул на ухо, подкравшийся сзади, Виталик.

- Тиш-ше, – Фридон приложил палец к губам, – не вспугни... Смотри, это душа Фриды...

- Нашей сестренки? – тихо спросил подошедший Апту. – А ведь, и в самом деле, это ее светлые глазки смотрят на нас...

- Давайте, отнесем ее домой, – предложил взволнованный Виталик. – Пусть она всегда будет с нами.

- Не надо, – возразил Апту. – Душе, как сказала мама, среди живых жить тесно. Фриде нужна небесная воля.

- А он в нашей семье занял ее место, – Виталик, насупившись, мотнул головой в сторону Фридона.

- Что ты болтаешь? – старший больно ущипнул Виталика. – Наш брат появился после ее похорон. И он для нас уже родной.

- Так-то оно так, – младший часто-часто заморгал помокревшими глазками, – но хотелось, чтобы бы и сестренка была рядом.

Фридон, незаметно для братьев, дёрнул слегка коленом, и бабочка упорхнула в сторону реки.

- Куда это она? – вскрикнул Виталька и замахал руками. – Там же враги! Они опять убьют ее! Эй, вы там! Не смейте в нее стрелять! Я вас всех тогда перережу, передую, поубиваю!

- Чего это ты раскричался? – к мальчикам подошел местный пожилой пастух. – О ком ты так разволновался?

- Там... Туда, где наши враги. – Виталька со слезами грозил кулаком в сторону левого берега. – К ним полетела бабочка-душа нашей убитой сестры... Они опять убьют ее...

- Успокойся, малыш, – мужчина привлёк к себе плачущего ребенка. – Не все, живущие за мостом – враги. А за бабочку волнуйся. Душа смерти не боится...

С того летнего дня в сердце Фридона поселился явственный холодок недружелюбия к тем, кто жил на левом берегу реки. До этого мальчик испытывал лишь смутную неприязнь к воображаемым недругам, которые, по словам Апту и Виталика, убили их отца и сестренку. Теперь же Фридон, глядя в сторону левобережных жителей, окончательно уверовал, что, это именно они и его лишили прежних, настоящих родных. Это они отняли память о них, и превратили его в Незная. А вдобавок, ко всему этому горестному открытию, Фридон вдруг осознал, что больше не в силах ничего слышать о маленькой девочке, место которой он, волей своей судьбы, занял в семье Бабуцы. Но в этом ему не хотелось признаваться даже самому себе. А, зародившееся в нём однажды, отвратное чувство, пугая, не покидало его, вынуждая жить с ним и дальше. Теперь приёмышу всякий кусок пищи, казался чужим, отнятым у мёртвого ребенка.

О Фриде в доме вспоминали непрестанно: за завтраком, обедом и ужином. Бабуца, подавая Фридону чашку супа, непременно приговаривала: «Покушай, радость моя. Фридошка это блюдо так любила с хорошо разваренной фасолью». Мальчик ел и представлял, как ложка, поднесенная к его рту, будто только что промелькнула мимо лица худенькой рыжей девчонки.

- А наша Фрида всегда была аккуратна, когда собиралась в школу, – заметил как-то Апту, расправляя на Фридоне, загнутый воротник его рубашки.

И Бабуца, порой забываясь, глядя на Фридона, называла его именем дочери. И он откликался, чтобы не обидеть мать. А она извинялась и тут же, отвернувшись, тайком утирала слезу. Всё это болезненно отдавалось в сердце мужающего парнишки, желавшего всей душой, хоть и с чужим именем, но быть по-настоящему любимым в обретенной семье. И, конечно же, братья и мать, как могли, старались не дать ему почувствовать себя изгоем у их общего родного очага. Особенно в этом усердствовал Виталька.

- А помнишь, Фридон, как папа повел нас в приехавший к нам сухумский цирк? – рассказывал он с упоением. – Там были разные звери и смешные клоуны. А когда на арене появились белые пудели и их тренировщик...

- А, может, дрессировщик? – поправил младшего Фридон.

- Вот видишь, ты же всё помнишь! – радостно воскликнул Виталька. – Так вот, когда выбежали собачки и начали прыгать друг через друга, то один пудель не послушался циркача.

- И тот ударил его хлыстом, – продолжил Апту, – пёсик завизжал и залез под ковёр. Все зрители тогда зашумели, начали возмущаться...

- А ты заплакал, – захлёбываясь от восторга взвизгнул Виталька. – И еще ты крикнул: «Отдайте мне эту собачку!»

- Такого не было, – оборвал его Фридон. – Я не умею плакать. Разучился с тех пор, как потерялся...

- Да, нет же! – настаивал, увлечённый воспоминаниями Виталька. – Ты был плаксой и папа тебе купил куклу...

Мальчик запнулся, поняв, что сболтнул лишнее. Апту тут же нашелся и выручил его:

- Не куклу он тебе купил, а большую машину. Помнишь ее?

- Красную? – переспросил Фридон.

- Да, пожарную, – осторожно вставил Виталик, косясь на старшего брата.

- Машину помню, – недобрая улыбка озарила лицо Фридона. – На ней еще было написано белой краской «01»... Её сломал мой друг... Как же его звали? Вы не помните? Нет? Я же ему за это нос расквасил, – глаза мальчика вдруг сощурились и вспыхнули пронзающим блеском маленького зверька.

- Это было не с тобой, – прервал Апту Фридона.

- Это, наверное, был дурной сон? – тихо пролепетал перепуганный Виталик. – Ты же не такой, правда?

- Не знаю. Но красная машинка у меня, когда-то точно была, – Фридон подошел к семейной фотографии на стене и дотронулся до нее. – Её мне подарил наш папа. Я это хорошо помню...

Фантазировал ли он, или ему и в самом деле этот человек на снимке уже казался родным. По крайней мере, так мальчику хотелось думать. Ему просто хотелось быть счастливым ...

15.

С наступлением осени победа приближалась стремительно с каждым часом, и, наконец, в последний день сентября на правом берегу пограничной реки Ингур взвился государственный флаг Абхазии. В тех последних боевых операциях принимали участие и Еремей с Нурбием. Вернее, боёв, как таковых уже не было. Всё происходившее в эти дни напоминало гон зверя, обложенного охотниками со всех сторон, для которого оставался единственный выход: побег в собственное логово.

Тогда Анкудин предложил командиру, уже ставшему к тому времени лейтенантом, заночевать в его лесной хижине. До этого егерь уже не раз побывал на кордоне, навёл там порядок и запасся продуктами. На ужин они расположились за столиком у отцветшего куста шиповника. При свете керосиновой лампы бывшие воины разговорились.

- Скажи мне, ученый человек, почему всё так произошло? – спросил егерь, наполняя в очередной раз чарки вином. – Неужели всякое благое дело должно оплачиваться кровью?

- Да уж так повелось в этом мире, – Нурби с грустной улыбкой смотрел на ночных мотыльков, слетевшихся на яркий свет фонаря. – Ничто так дорого не даётся человеку, как свобода. А войны за нее, восстания и революции, это как прорыв дамбы в половодье. Переполненную реку ни чем не удержать. Так и всякий народ, велик он или мал, и под каким бы тяжким гнетом не был, всегда стремится к свободе. Людское возмущение, как и стихии непременно сопровождают катастрофы. Любая независимость требует жертв. Даже освобождение младенца от утробы матери не обходится без жертвоприношения кровью и муками роженицы.

- Но ведь случаются ж и лёгкие роды, – добродушно усмехнулся егерь, – Не всякое лыко ложится в строку, как и это твоё мудреное сравнение, уважаемый археолог.

- Знаешь, Еремей, – улыбнулся Нурби, – у женщин бытует поверье: рожденного в муках ждет счастливая судьба.

- Что ж, лейтенант, – егерь, посерьёзнев, поднял чарку, – будем надеяться, что все жертвы этой войны были отданы за настоящую и счастливую свободу нашей родной Абхазии.

- Еще раз помянем павших, – поддержал его Нурби. – И выпьем за светлую жизнь здравствующих, и грядущего поколения.

Тихая ночь стояла над умиротворенной землей, которая, будто утомлённая мать, после кошмарных бессонных ночей, наконец обрела выстраданный покой. И небо, как в награду за долготерпение, одарило землю золототканым покровом лунного света. Двое мужчин сидели за столом без слов, прикрыв глаза, прислушиваясь к размеренному поскрипыванию ночных цикад.

- И всё же, командир, – прервал молчание егерь, – у нас ведь было когда-то всё относительно спокойно и терпимо. И солнышко светило, вроде бы, для всех одинаково ласково.

- Ты прав, лесник, – Нурби потрянул головой, как бы очнувшись от, нахлынувших воспоминаний. – Всё это было. И на первый взгляд, вроде бы, даже терпимо. Но воздух-то над нами всегда был спёртым. Разве не так?

- Это ж, по какому разумению?

- А ты вспомни, что в твоих документах являлось главным для местного чиновника, принимавшего тебя на работу?

- Образование, трудовой стаж.

- Ну, это само собой. А, что еще?

- Партийность.

- А важнее партийности?

- Ну, я не знаю, – Еремей растерянно развел руками. – Может, моя национальность? Но для меня, русского по паспорту, в этом не было никаких проблем.

- А для меня было, – Нурби кончиком пальца пригладил свою русую бородку. – Было, потому что для нас абхазов существовала пресловутая, негласная процентная норма. Это касалось не только членов аппарата правительства и руководителей различных рангов, но и квоты на поступающих в вузы и защищающих научные диссертации. Такая установка спускалась даже до членов правления колхозов, цеховых артелей, не говоря уже о представляемых к наградам заслуженных тружеников. Нас аборигенов во всём должно было быть хоть на сотую долю процента меньше, чем представителей великого народа, в чью Социалистическую Республику входила наша Абхазская автономия.

- По-твоему, командир, мы здесь были вроде подданных грузин, что ли? – недоумённая улыбка застыла на губах Анкудина.

Нурби протянул ладони к фонарю, отчего его сосредоточенный взгляд скрылся в ночной тени:

- В этом, по крайней мере, кому-то очень хотелось убедить нас и весь Подлунный мир. И, заметь, Еремей, во многом они преуспели, заселяя соплеменниками наши лучшие земли с самых древнейших времен. Они даже фамилии наши переиначивали на свой лад, мол, так их удобней читать, да и красивше выглядит на бумаге. Именно тогда владетельный князь Абхазии Чачба стал именоваться князем Шервашидзе. Уразумел, товарищ Анкунидзе? То-то же. Ведь количественное доминирование одного народа непременно ведет к угнетению национального самосознания других, если, конечно, к этому приложить особое усердие. Так устроена человеческая природа. И только сильные народы с глубокими традициями и культурой могут этому противостоять, терпеть и безмолвствовать, ради самосохранения. Но наступает предел, и жажда независимости выходит из берегов.

- И начинается война, – заключил Еремей.

- Но заметь, начали ее, как ты сам знаешь, не мы, – Нурби нервно хлопнул ладонью по столешнице. – Не мы вторглись к ним, а они, якобы привести нас к порядку. А всё начиналось с того, мой друг, что однажды, спасённый и, впущенный в дом, гость вообразил себя хозяином. Наглец стал диктовать свои условия и свой образ жизни. Давно это случилось, еще при царе Горохе...

- Просвети неуча, любезный, – егерь начал неторопливо нарезать ломтики козьего сыра. – Спешить нам уже некуда.

Ночные собеседники подняли еще по одной чарке и Нурби, утерев влажные от вина усы, заговорил размеренно и спокойно, как на лекции перед студентами:

- Наше Абхазское царство образовалось ещё в VI веке от слияния единородных нам абхазских племен: абазгов, апсиллов и других во главе с Леоном Первым. В те времена было традицией устраивать династические браки. Вот и нашему Леону угораздило жениться на дочери грузинского царя Мириана. А тот, гонимый арабскими завоевателями, на правах родственника, попросился вместе со своим братом Арчиллом под крыло зятя, чтобы приютил и защитил. Как было отказать тестю? Да, к тому же, если тот, ради спасения от разорения своих земель, предложил присоединить к Абхазии почти всю Западную Грузию. Так расширилось царство Леона. Но со временем, после нашествия Тамерлана оно распалось. Наша Апсны определилась в новых границах, и позволила жить на своих землях, переселившимся когда-то картвелов. И за это наше давнишнее абхазское гостеприимство мы расхлёбывались до нынешних времен.

- Чудеса, да и только, – прицокнул языком Еремей. – А нам ведь со школьных лет втолковывали, будто Абхазия всегда была неотъемлемой частью Грузии. Выходит, потомки, некогда спасенных, всегда знали правду о своих предках, но сохранить в своих душах благодарность за это, не смогли.

- Выходит, не смогли, – кивнул Нурби, – а вернее, постарались забыть. Благородство уступило место гордыне. И вывод прост: не от всякого жди искренней дружбы, кто однажды просил тебя о помощи. Такой вечно будет мучиться тем, что рядом живут свидетели его былой немощи. Проходят годы, одни поколения сменяются другими, но генетическая память неистребима и нестираема, как родимое пятно. Обыкновенное чванство в головах горе ученых выпестовало в простом обывателе постоянное стремление принизить достоинство спасителя, дабы никто не узнал их горькой исторической правды.

- Но ведь, правда эта записана и увековечена в каких-то трудах? – поинтересовался Еремей.

- Конечно, записана, – пальцы лейтенанта судорожно застучали по столу. – Потому гвардейцы и сжигали архивы нашего исследовательского института. Разводили костры из нашей истории. И рукописи, вопреки

утверждению классика, горели. Но глупцы не учли, что огню не подвластна память. Информация, записанная в молекуле ДНК нервной клетки, не поддается корректировке. Но это, брат Еремей, уже совсем из другой оперы.

Егерь загасил фитиль фонаря, поблекший огонёк которого в наступившем рассвете теперь выглядел жалким и никчемным.

- Позволь и мне, Нурби, на сей счёт слово молвить, – заговорил Анкудин с присущей ему крестьянской простотой. – Расскажу тебе притчу о том, как однажды скорпион в поисках пищи, изнемогая от голода, приполз к реке. Он знал, что на том берегу ему найдётся чем поживиться. Но сунуться в воду не мог – плавать не умеет. И тут на его удачу появилась черепаха.

- Перевези меня через реку, любезная, – попросил скорпион.

- Но я боюсь твоего жала, – ответила черепаха, – ты же по своему злобному норову убьёшь меня.

- Да, что ты! – прошипел хищник. – Как можно убить своего спасителя? Обещаю – не подниму свой хвост с жалом на тебя.

Добрая черепаха поверила и согласилась помочь скорпиону. Тот взобрался на ее панцирь, и они поплыли. Голодный скорпион с нетерпением взирал на желанный берег. А его подлый инстинкт всё нашептывал: «Ужаль эту уродину. Вот же перед тобой ее беззащитная шейка. Впрысни яд в эту мякоть, и ты испытаешь блаженство. Надо избавиться от неё, чтобы после не разболтала миру, как спасла тебя от голодной смерти» Скорпион едва сдерживался от соблазна. Понимал, если ужалит черепаху, то они оба тут же утонут. И когда до земли оставалось совсем немного, скорпион решил, что эту малость водной глади он как-нибудь преодолет и убил свою спасительницу. Что случилось дальше, думаю, понятно всем.

- Понятно, – кивнул археолог. – Обе твари пошли на дно. Мораль твоей притчи проста и мудра: на добро ответь добром и не поддавайся низменным инстинктам.

Егерь долго пребывал в тягостном молчании. Он сосредоточенно сгребал в кучку крошки хлеба и сыра, и, наконец, будто, вспомнив, что-то очень важное, заговорил:

- Нам бы, Нурби, абхазам и другим здешним жителям никогда не забыть и передать потомкам память обо всех, кто пришел сюда в ту лихую пору из соседних краёв и сложил головы за освобождение Апсны.

- Ты прав, Еремей, – страстно поддержал ученый лесника, – сыны и дочери многих народов по велению сердец, без всякой корысти вступились за нас. Это были славные ребята из Кабардино-Балкарии, Чечни, Осетии, Адыгеи и Черкесии и из абазинских и карачаевских аулов и казачьих станиц. И, если, не дай Бог, когда-нибудь пьянящий дух обретенной свободы, затуманит наш рассудок, то, поверь, мой брат, эти горы, леса, море и небо отрезвят нас и напомнят все имена простых людей, отдавших свои жизни за эту землю...

16.

В городке возобновили работу школы, и мать попросила старших мальчиков Апту и Фридона записать в один класс. В первый же день детям объяснили, что их бывшая классная руководительница Клавдия Семёновна больше у них не появится. Пожилую русскую женщину расстреляли гвардейцы за то, что она во время оккупации участвовала в подпольном движении и распространяла патриотические листовки. Дети, узнав об этом, не сдерживали слёз. И Фридон, глядя на их переживания, почувствовал, как ком подступил к горлу от сострадания к убитой учительнице, но глаза его оставались сухи. И он смущенный тем, что выглядел перед всем классом безучастным к общему горю, тщетно пытался заплакать. И тут вдруг вспомнил, фильм про войну с фашистами, увиденный им недавно по телевизору. Там у стены какого-то сарая немцы казнили партизан. И теперь всё это перенеслось в воображении мальчика на смерть незнакомой женщины. Картина привиделась настолько реально ощутимой, что ему показалось, будто он сам был свидетелем того расстрела. «Так, наверное, убили и мою семью, – думал Фридон, – расстреляли моих родных, лиц которых я никак не могу вспомнить. Их всех убили... А кого, всех? Сколько нас было?... Я только один и спасся, выжил, чтобы стать Фридоном в новой семье... Разве, это правильно? Разве справедливо, когда убивают всех, а один остаётся, ничего не помнит и живёт чужой жизнью. Зачем? Чтобы меня жалели жалостью к своей убитой дочери и, чтобы любили меня чужой любовью? Лучше б мне было оказаться со всеми у той самой стены...»

Однажды мальчик невольно подслушал разговор Виталика с Бабуцей:

- Мама, я не хочу, чтобы он вспомнил себя. Тогда он уйдёт от нас. А мы уже любим его, как нашу Фриду.

- Любим, Виталик, еще как любим, – мать обняла маленького сына. – А удерживать память Фридона взаперти не в нашей воле, сыночек. Всё в руках Божьих...

В семье соседей хоронили младенца. До этого Фридон не видел так близко покойников, а скорее всего, забыл, как перед ним, когда-то за смертью упала его бабушка. И всё же, он часто задумывался о смерти и она его, конечно же, страшила. Но, как ни странно, вид этого усопшего ребенка его не испугал, а вызывал совсем иные чувства. Фридон тогда, глядя на неподвижное тельце, лежащее в маленьком гробике, будто куколка в красивой подарочной коробке, отороченной голубой ленточкой, позабывал тому, как все по нём скорбят и плачут. Какие трепетные сожаления по младенцу высказывали родные и чужие люди. «Вот бы и мне когда-нибудь услышать о себе такое, – с горечью подумалось ему. – Как же по-настоящему сокрушаются об умерших живые. В их словах настоящая любовь и жалость. А обо мне с такой нежностью, наверное, никто и никогда не говорил. Мне бы хоть на минутку оказаться на месте этого счастливого...»

Мысли о смерти долго не покидали Фридона. И вот он однажды заговорил об этом с Амираном:

- Дада, а бывает такое, чтобы человек умер, но не насовсем?

- Почему ж не бывает? – старик настороженно взглянул на мальчика. – Случается, что человек засыпает на какое-то долгое время мертвецким сном, а потом просыпается. А очень хорошие люди, оставившие за собой добрые дела, вообще не умирают, потому что их помнят всегда.

- Вот бы и мне так умереть, – вздохнул Фридон, – и улететь высоко-высоко вслед вон за теми ласточками.

- Да ты, что, малыш? У тебя впереди большая жизнь и много хороших поступков.

- А, что хорошего оставила Фрида?

- Добрый след в наших душах, – старик поднял к небу погрустневший взгляд. – Она умела радоваться чужой радости и печалится, когда другим бывало грустно.

- А я, значит, ничего не успел, и ничего не оставлю, – сокрушенно вздохнул Фридон и на миг, задумавшись, вдруг добавил, – значит, я умру, как какой-нибудь хариби*...

- Прошу тебя, – Амиран склонился к ребенку, – не надо без особой на то надобности говорить на чужом языке. У тебя ведь есть свой, родной абхазский.

- Может быть, и так, – мальчик задумчиво отвернулся. – А ты хочешь, чтобы я забыл другой язык?

- Нет, не забывай. Но знай: человек одаренный певческим даром не всегда поёт...

До первых звёзд просидел Фридон с дедом у его дома на скамейке. К ним подошел сорокалетний сосед Рауль и, поздоровавшись, присел рядом. Мужчины завели неспешную беседу, а мальчик, без внимания слушал их, не вникая в суть разговора. А говорили они о каком-то своём соседе грузине.

- Странные дела, Амиран, – Рауль мотнул головой в сторону пустовавшего рядом дома. – Все говорят, что он ушел за перевал, а вчера ночью я проснулся, услышав, как за моим забором шоркает метла.

- Показалось.

- Да, нет. Утром посмотрел: двор чисто выметен.

- Духи вымели, – усмехнулся Амиран, – или нечистая сила забавлялась. Говорят же, для ведьмы метла, это незаменимый инструмент для всяких сказочных дел.

- Тебе смешно, а у меня душа за него не на месте.

- Да, порядочным и добрым малым был мой друг Ладо, – кивнул Амиран. – Мы ведь с ним одноклассники. В сорок четвертом, почти детьми, вместе на фронт сбежали, но до фашиста так и не добрались. Воевать пришлось с бандеровцами на Западной Украине.

- А это еще кто такие? – Рауль недоверчиво покосился на старика. –

На нас же немцы напали. Ты, сосед, что-то путаешься в своих воспоминаниях.

- Сам ты путаешься в своих штанах, – возмутился Амиран. – Эти бандиты к немцам примкнули, потому, наверное, и звались бандеровцы от слова банда. За их нейтрализацию мы с Ладо по медали получили.
* хариби – несчастный, неприкаянный (груз.)

Понял, пацан?

- Понял, дядька Амиран, не горячись. Но меня, волнует: успел ли наш грузин уйти за Ингур или сгинул где? Жаль человека, если он не спасся.

- И меня, Рауль, беспокоит его судьба, – старик извлек из нагрудного кармана сотовый телефон на шнурке. – И, всё же, есть у меня предчувствие, что Ладо жив, но почему-то на мои звонки его аппарат не отвечает.

- Так у нас же, эта связь уже год как не работает, – рассмеялся сосед. – Но если подняться в горы, где блокпосты русских миротворцев, то там, говорят, сигнал проходит.

С верхней стороны улицы послышался чей-то визгливый жалобный голосок. Он не был похож, ни на плач ребенка, ни на человеческие стенания. Мужчины умолкли при появлении босоногого парнишки лет семнадцати в изодранной полосатой пижаме.

- А вам показать, как я люблю свою маму? – заговорил он зловещим шепотком, приблизив своё давно немытое лицо к сидящим на скамейке.

- Не надо, рыцха*, – Рауль умоляюще поднял руки, будто заслоняясь от кошмарного видения. – Успокойся и иди своей дорогой.

- Нет, дяденька, я, всё же, покажу, – юноша подпрыгнул на месте и, оскалившись в безумной улыбке, ухватил обеими руками себя за горло. – Вот так! Вот так я ее люблю, мою родимую, мою хорошую и добрую мамочку!

Фридон встал и, сам не осознавая, что делает, подошел к парню, и ласково погладил его по плечу. Тот враз, будто очнувшись от обуявшего его наваждения, успокоился и заговорил извиняющимся тоном:

- Я не хотел ее убивать, – бормотал он, пятась и удаляясь, прочь. – Она сама попросила. Видит Бог, она сама...

Юноша скрылся в темноте, и Амиран вопрошающе взглянул на соседа.

- Еще одна жертва проклятой войны, – тихо произнёс Рауль. – Кто может быть несчастнее того, кто лишен рассудка.

- Откуда он и, что с ним случилось? – дед протянул руку и усадил внука рядом с собой. – Какое горе отняло его разум?

- Люди рассказывают, что мальчишка родом из какого-то дальнего села, – Рауль, покосился на Фридона, замолчал, но тут же, собравшись с духом, продолжил, – Язык не поворачивается сказать, что они с ним сделали. На глазах связанного сына надругались над его матерью, а потом предложили ему сделать с нею то же самое. Они смеялись: «Вы же скоты!»

Так, докажи это, парень! Покажи, как ты любишь свою маму!» Женщина, говорят, взмолилась: «Мальчик, мой, не дай извергам изгаляться над нашей честью. Задуши меня...» И он, исполнив просьбу матери, обезумел. И вот теперь бродит по нашей грешной земле и просит у всех прощение.

Амиран скорбно, опустив голову, осенил себя крестным знамением. - Слава Господу, что не оставил несчастного. Он сберёг его кающуюся *рыцца – бедняга (абхаз., абазинск.)

душу. А сколько еще таких с изувеченной судьбой породила война. И, когда только развеется мгла над Абхазией от черных вдовьих платков?..

Поздним вечером Фридон направился домой. Проходя мимо пустующего дома Амиранова соседа, он различил в лунном свете надпись на воротах: «Братья! Не губите мой дом. Живите в нём и будьте счастливы. Ладо» Мальчик не знал, что это его дед по ночам выметает опавшие листья во дворе своего друга, а иногда вечерами разжигает огонь в печи. Не хотелось абхазу, чтобы кто-то позарился на брошенное жилище Ладо, и надеялся, что тот, всё равно, когда-нибудь возвратится.

Из рассказа о сумасшедшем Фридон понял только одно: с ним произошло что-то ужасное, о чем даже взрослые не могут передать словами. И это невыразимое, убеждал себя мальчик, сделали опять же те враги, с чужого берега...

На веранде его поджидали Апту с Виталиком. Они о чем-то весело переговаривались и смотрели на звездное небо.

- Смотри, какие звездочки, – младший дернул за рукав подошедшего брата. – Они как ромашки на лугу. Правда?

- Нет, – холодно отрезал Фридон, – это не цветы, а бабочки припленные булавками к черному вдовьему платку. Они еще живые и трепыхаются, потому что им больно.

- Если б так было, я бы застрелил того, кто это сделал, – Апту задрал майку и показал, засунутый за пояс револьвер, а на недоуменные взгляды братьев, ответил. – Я подобрал его в сквере под лавочкой. Теперь у меня есть, чем отомстить за папу Эреджиба...

17.

На лесном кордоне вновь наладилась размеренная, обычная жизнь. Утро для Еремея начинается с кормежки собак и серого волка. Затем он, вскинув на плечо карабин, берёт в руки топор и отправляется на обход своего участка. Работа егеря, в общем-то, не мудреная, но после войны и пожаров дел для него невпроворот. Необходимо определить и обозначить на карте площадь ущерба и подготовить отчет для Лесного управления.

Этим утром Анкудин шел неторопливо и, как обычно, прислушиваясь к лесу, всматривался в следы на тропинках. Вот пробежало семейство диких кабанов, а рядом следы оленьих копыт. Это значит, звери здесь уже

чувствовали себя спокойно. И всё же Еремей был настороже, хотя недавнего присутствия человека или хищников он не обнаружил.

Волки, как предположил егерь, больше не решались переходить через Ингур. По-видимому, в их животной памяти навсегда запечатлелось, что за этой гранью, где только вчера гремели орудия и полыхали пожары, жизнь не для них, там чуждая им территория.

За глубоким оврагом мелькнула человеческая тень. Еремей машинально вскинул ружьё и замер, вглядываясь сквозь частокол деревьев. Вверх по косогору шел сухопарый мужчина с рюкзаком за плечами. Он шел и нервно взмахивал рукой, будто с кем-то разговаривал. Егерь, прислушиваясь, последовал за ним и разобрал слова по-абхазски:

- Хватить тебе бубнить, старый мерин. Ничего не разберу из твоих слов. Слушай меня внимательно... Встретимся там, где старая груша! Понял?... Что?!... Я тебе про грушу толкую, что у Малой поляны! А ты мне заладил одно: «кушать», да «кушать»! Ты что, голодный и пол своего языка проглотил?..

Еремей приблизился к человеку. В руках у того мобильный телефон. «Что за турист и с кем у него встреча в этом лесу? – размышлял егерь, следуя за незнакомцем. – Если это предатель договаривается с недругами, то надо держать ухо востро...»

Человек двигался в гору бодрой походкой бывалого ходока. Анкудин, прячась за деревьями, едва поспевал за ним. Со спины этот мужчина кого-то напоминал Еремею. Егерь сошел с тропы преследуемого и зашагал параллельным курсом. Тут-то он и узнал старика Амираана.

Впереди в лесном просвете открылась небольшая поляна. Под грушевым деревом сидел человек в войлочной сванской шапочке. Еремей подкрался поближе. Это был старик, явно грузин, с чисто выбритым, открытым вдохновенным лицом. Амиран подошел к нему и протянул руку для приветствия, назвав того по имени:

- Гамар джоба, биджо Ладо*.

- Шымта бзита, Амиран*, – ответил тот, заикаясь, и похлопал ладонью по стволу дерева. – Вот э-эта куша, да?

- Не «куша», а груша, бестолочь, – Амиран пытливо заглянул в глаза друга. – Ты что, контужен, трухлявый пенёк?

- Да-а... Жизньню ко-контужен, – с долгими паузами между словами произнес Ладо. – Е-есть немножко.

Вот так они и разговаривали: один на грузинском, а другой на абхазском. И хорошо понимали друг друга. Когда Ладо пытался выговорить долгую фразу, то некоторые звуки пропадали, и глаза его озарялись вежливо конфузливой улыбкой. При этом он, смущаясь, слегка отворачивал лицо в сторону и легонько поглаживал ладонью траву.

- П-пошли тебе Господь мира, родная, – с трудом выговаривал старик. – Да снизойдёт на тебя вечный мир до скончания веков...

- О ком это ты, Ладо?

- О зе-земле, Ам-миран, о ней, м-многострадальной...

Амиран присел рядом и, сняв рюкзак, начал раскладывать на расстеленном полотенце продукты и поставил бутылку с вином.

- Если мы, Ладо, будем жить только памятью о горестях прошлого, то никогда не истребим в себе ненависть. А к чему это может привести, ты сам знаешь.

- Только ду-дураку невдомёк, Амиран, что Бог навсегда отключит над нами С-солнце, – грузин поднял наполненную чарку. – Я знал, что это когда-нибудь с нами с-случится.

- Знал и ничего не делал?

- Не-е притворяйся, Ам-миран. Ты то-оже знал и т-тоже молчал.

*Гамар джоба, биджо – приветствие мужчины (груз.)

*Шымта бзита – добрый день (абхаз.)

- Знал и молчал, – абхаз, соглашаясь, покачал головой и поднес чарку к губам. – Во славу Всевышнего.

- А следующей по-помянем предков и всех на-аших убиенных, – Ладо выпил и отломил кусок лепешки. – А после мы по-пожелаем глубокой мудрости нашим па-астырям.

- Тем, что ведут нас по пустыне этой жизни? – усмехнулся Амиран.

- Для них мы все-егда были и остаёмся с-стадом, – грузин махнул рукой. – Народ, это же безмолвная па-аства. Но такова она до поры до-о времени.

- Всякая великая гора, Ладо, когда-нибудь да извергается вулканом

- Ты пра-ав, друг, извергается. И тогда ла-ава безумства поражает всех вокруг. Я вот, когда бе-бежал отсюда, то не предполагал, что никому в своей стране не ну-ужен.

- Почему же? Разве, на там, за хребтом не нашлось родных?

- На-ашлось и даже много нашлось. Но все они там тоже с контуженными ду-ушами. У каждого свои бе-еды и за-аботы.

- А помнишь, Ладо, что ты написал на своих воротах?

- Помню. Хо-отел, чтобы вы меня запомнили, как бра-ата. Спасибо, что дом сохранили.

- А я его чуть не сжег.

- Наверное, когда сы-ыновей убили?

- Нет. В ночь, когда приснилась убитая внучка. Я и канистру с бензином приволок, но эти чёртовы спички никак не зажигались. Они всё время ломались.

- Может, ты са-ам их ломал?

- Не я ломал, а мои пальцы не подчинялись. Они предательски дрожали, когда я, заглядывая в окна, выкрикивал твоё имя. Знал, что тебя там нет, что ты с женой, детьми и внуками убежал, но всё равно хотел услышать ваши грузинские голоса. Если б ты, Ладо, вдруг отозвался, я бы подпёр двери и поджог дом вместе со всем твоим семейством. Но дом молчал... Хороший у тебя дом, добротный и, он ни в чём не виноват.

- Согласен, Амиран, всякий дом хо-орош для счастливой жизни...

Еремею, всё это время, сидевшему у края поляны, показалось, что он разглядел, как по бритой щеке грузина, по глубоким ложбинкам морщин потекла слеза. Но голос его по-прежнему оставался спокойным:

- Значит, до-ом мой кому-то при-приглянулся. Я видел, как по вечерам над трубой вьётся дым. Что это за люди, Ам-миран?

- Это не люди, Ладо, это тени ваши моих бывших соседей.

- Тени, говоришь? А ведь ты пра-ав... От моей семьи только и остались тени, блуждающие по дому и по этим лесам. Их всех убили здесь неподалёку, когда мы бежали отсюда...

- Кто убил? – Амиран резко подался вперёд. – Чьи это были, наши или ваши?

- Не надо, друг. Для нас с тобой все они одинаково несчастны, – Ладо вдруг перестал заикаться, но сам, по-видимому, этого не заметил. – Бесовская война шальным снарядом убила и жену и дочерей и моих маленьких внуков. А в меня ни один осколочек и ни одной царапинки... Наверное, сильно грешен, потому и оставил Господь на этой земле, чтобы мучился. Я желал себе смерти, много раз искал ее, но она обходит меня стороной. Как думаешь, Амиран, если жизнь имеет свой конец, то смерть плутовка вечна, да?

- Нет, Ладо. И смерть кончается, когда исчезает всё живое. Умирать-то больше некому и нечему.

- Это успокаивает, – старик горестно усмехнулся. – Хотя, глупо. Что, может принести большее успокоение, чем сама смерть?..

Еремей, засевавший в кустах, нервничал, понимая, что больше не в силах оставаться свидетелем этой безрадостной встречи друзей. «Нехорошо вышло, – корил он себя, чертыхаясь и отступая в полумрак лесных теней, – неловко как-то получилось из-за моей излишней бдительности. Позора не оберешься, коль кто увидит меня...».

Еремей уходил крадучись, как и появился у Малой поляны. Ему было стыдно, что подсмотрел и подслушал что-то очень личное и совершенно не касающееся посторонних ушей и глаз. Ведь эти старики пришли друг к другу, таясь от людей, и увиделись в глухом лесу на меже двух, разделенных, некогда мирных земель. И чья беда была горше и, чья рана на сердце – глубже, эти двое не выясняли, и спорить им было не о чём. Теперь эти оба жили только воспоминаниями: голодное, но счастливое детство, военная юность и недавняя кровь потерянных родных. Анкудин вспомнил, как когда-то, давным-давно друзья, договорившись женить сыновей в один день, решили, для простора двух свадеб, разобрать забор, разделявший их усадьбы. Были два жениха и две невесты. И тогда обе семьи совместно накрыли столы в расширенном дворе и вместе громко веселились, и танцевали, и пели песни на разных языках. А после торжества

они так и не восстановили прежнюю ограду между их домами. Она оказалась никому не нужной...

Егерь спустился к кордону и, подходя к хижине, был удивлён, что вместе с собаками его не встретил Серый. Он окликнул волка, но тот не отозвался. «Сбежал, – подумал Еремей. – Неужто, к своим в горы подался?..»

В последнее время Анкудин замечал, как хищник вёл себя очень уж не спокойно. Он вдруг начинал суетливо бегать по двору, вздрагивал от какого-либо шума раздававшегося из лесу, и подолгу прислушивался к людским голосам, доносящимся со стороны городка и ближайших сёл. Что волновало волка, Еремей не мог понять. А с Серым, по-видимому, происходило то, что он всё чаще вспоминал и тосковал по запаху и ласкам, когда-то встреченного им ребенка. Возможно, животному вдруг захотелось вновь ощутить те приятные волнения, что единили его и маленького человека. Быть может, парнишка приходил к нему во снах и ему чудился зовущий детский голос. А этим утром волк, дождавшись, когда хозяин скроется в лесу, ринулся в сторону знакомого городка...

18.

Руководителем класса, в который записали Апту и Фридона назначили Зубера Абзаговича, выпускника Тбилисского университета. Двадцатитрехлетний философ, оставшись наедине со школьниками, долго и молча, изучал их лица. Его цепкий взгляд, из-за увеличенных линзами, тёмных зрачков, казалось, пронзал насквозь. Ребятам было не по себе, когда приземистая и тщедушная фигура учителя, облаченная в военную форму, медленно двигалась мимо столов, отбивая четкий шаг тяжелыми солдатскими ботинками. Наконец он остановился и заговорил неожиданно низким, совершенно не соответствовавшим его комплекции голосом:

- Я ознакомился с личным делом каждого из вас. Изучил и остался доволен, что мой класс, в основном, составляет наш родной коренной этнос. Мне, как представителю древнего абхазского рода весьма импонирует такой подбор.

- Зубер Абзагович, – подняла руку смуглая девочка, – а я по маме армянка, а моя подруга Миля, еврейка...

- Поспешу вас успокоить, – учитель усмехнулся. – Ваши девичьи проблемы поправимы. Выйдете замуж за наших парней и станете полноценными абхазами. Вопросы есть? Вопросов нет. И это правильно – мы своей победоносной войной разрешила все вопросы.

- А на каком фронте вы воевали? – смущаясь, поинтересовался Апту.

- Юноша, а не слишком ли ты любопытен? – учитель заложил пальцы правой ладони за борт своей рубашки, и вновь стал шагами мерить класс. – Есть вещи, о которых не принято распространяться. Но перед вами я слегка приоткрою завесу военной тайны: я был бойцом невидимого фронта и останусь им до последнего вздоха. Понимаете, о чём я намекаю?

После этих слов Зубер сделал многозначительную паузу. Класс всколыхнулся, зажужжал как пчелиный рой. Послышалось приглушенное шушуканье восхищенных ребят: «Он разведчик», «Наш Зубер, как Штирлиц», «Он секретный сотрудник», «Он же у нас, как Рембо»...

- Где-то так, – сдержанно, соглашаясь, улыбнулся учитель, приглаживая кончиком мизинца свои тонкие усики. – Моя подпольная идеологическая работа нанесла не меньший урон врагу, чем батальон ополченцев. Разящее слово правды – вот моё оружие. Когда мы начнем изучать мои статьи и воззвания к народу, вы сами в этом убедитесь. Как говорится, всему своё время.

Зубер заулыбался, отошел к окну и, всматриваясь в синее небо, задумался о чем-то приятном.

- А какие у вас награды, – прервал его мысли Фридон, – и почему вы их не носите?

- Что? – учитель обернулся к мальчику. – А ты кто такой?

- Я Фридон, сын Бабуцы и Эреджиба...

- Он мой брат, – тихо добавил Апту.

- Что-то ты не совсем похож на типичного аборигена. – Зубер вплотную приблизился к парнишке. – Твой профиль и особенно форма ушей имеют некоторые антропологические несоответствия. Метис, что ли?

- Что? – не понял Фридон.

- Он приёмыш, – раздался чей-то голос.

- Что ж, юноша, – учитель похлопал по плечу Фридона, – и твоя проблема исправима, если, конечно, ты попал в достойную семью. А я уж позабочусь сделать из тебя настоящего апсуа. На то и призван: воспитать новое, свободлюбивое поколение моего, горячо любимого народа. А сейчас, ребята, мы разучим наш девиз. И так, все вместе повторяем за мной: «Лучшего в мире не было и нет, чем наш абхазский менталитет!»

Класс нестройным хором, в разнобой повторил не совсем понятное для них словосочетание вслед за учителем.

- Еще раз! – взвизгнул Зубер и в его очках зловеще сверкнул отблеск солнечного лучика. – Вместе! Дружно в один голос!

Ребята с задором, раз за разом выкрикивали замысловатую фразу с красивым и звучным окончанием. А учитель, вошедший в раж, скандируя вместе со всеми, ритмично выбрасывал вперед свой синюшный, костлявый кулачок. Голоса детей, слившись в единый хор, уже слышны были по всей школе.

Это продолжалось с четверть часа, пока двери класса не приоткрылись, и в проёме показался директор. За ним вошел новый преподаватель истории Нурби Пакович.

- Что тут происходит, Зубер Абзагович? – директор с ошеломленным видом уставился на классного руководителя.

- Отделение, сми-ирно! – зычным голосом скомандовал Зубер. – Равнение на Генерального руководителя нашего учебного заведения!

Весь класс дружно поднялся. Педагоги с обалдевшими лицами смотрели то на ребят, то на Зубера Абзаговича.

- Провожу первый урок патриотического воспитания! – чеканя каждое слово, докладывал сын скупщика Абзаги. – По своей личной инициативе я решил ввести этот предмет и смею предложить его во всех школах Республики, как ежедневный и строго обязательный. Конечно же, с вашего благосклоннейшего соизволения.

- На каком основании? – всплеснул руками директор. – И что это за самодеятельность?

- Извините, – Нурби, успокаивающе тронул руку директора и обратился к руководителю класса. – А какие еще новшества вы предлагаете, коллега?

- Во всех классах установить флаштки, – невозмутимо продолжал Зубер, – и на каждом первом уроке лучшие ученики будут поднимать наш государственный флаг. Затем будет исполняться Гимн АПСНЫ. А в завершение учебного процесса, весь ритуал производится в обратном порядке. Ну и, как вам моя идея?

- Похвально, – директор смущенно взглянул на учеников и кивком головы позволил им сесть. – Но, разрешите, уважаемый Зубер Абзагович, поинтересоваться, что за необходимость каждодневно трепать наш символ и дважды на дню распевать священный текст, как какие-то базарные частушки?

- С целью пропаганды беспредельной любви к родному Отечеству и бескорыстного служения юного поколения трудовому народу!..

Директор не дал договорить Зуберу, подскочил к нему и, приглушив голос, зашипел на ухо:

- Ты что творишь, недоумок? Это что школьный урок или заседание партактива под председательством Лаврентия Берии?

Растерянный Зубер не успел ничего ответить. Зазвенел школьный звонок. И как только учителя покинули класс, ребята весело, дурачась, начали дружно выкрикивать только что заученный девиз. Но тут дверь снова открылась, и вошел директор.

- Ну-ка, цыц, юные зуберовцы. И чтобы я больше этого не слышал, – директор не сдержался, и лицо его расплылось в добродушной улыбке. – И запомните, дети, я вам никакой не Генеральный руководитель, а просто товарищ директор.

Нурби, оставшись с Зубером, предложил тому выйти во двор школы.

- Ты, что на полном серьёзе решил внедрять вот эти свои новаторства? – заговорил археолог, присев на скамейку.

- Конечно. И не только эти, – Зубер сел рядом и закинул ногу на ногу. – Видите ли, дорогой Нурби Пакович, в следствии долгих и мучительных размышлений о судьбе моей Родины, я, пришел к определенным умозаключениям. Моя концепция заключается в том, что уже хватит нашей великой Абхазии прозябать на третьих ролях на арене мирового сообще-

ства. Именно к этому я хочу приучить наших детей. Думаю, пора нам поднять голову и заявить о себе, как об исключительной и богоизбранной нации.

- И в чём же, интересно, заключается наша исключительность? – ироничная усмешка мелькнула из-под усов Нурби. – За что такое особенное мы абхазы приглянулись Богу?

- Да, хотя бы за то, что мы самый миролюбивый и мужественный народ, – бесноватый взгляд Зубера вызвал у Нурбия легкое сомнение в его психическом здоровье, да к тому же тот своей безудержной тирадой продолжал упорно это подтверждать. – О красоте и отваге абхазов слагают легенды. А каково наше искусство танца и вокала? Это ведь мы научили прочие народы божественному многоголосному пению. И, между прочим, нашу абхазскую аджику подают в лучших ресторанах Парижа и Лондона.

- Между первым блюдом и вторым? – лукаво подмигнул археолог. – И даже на стол английской королевы, не так ли?

- Зря иронизируете, коллега, – Зубер смахнул рукавом пот со взмокшего лба. – Если хотите знать, даже прославленный чай «Акбар» вывели наши предки – хеттские селекционеры, и его в прошлые века производили на плантациях абхазского дворянина Акбара Чкотуа. Вам известен этот факт? А я читал в одном романе, как небезызвестный древнегреческий пират Одиссей украл у наших предков чайные семена вместе с золотым руном.

- А, может, это был Ясон? – усмехнулся Нурби.

- Имя сути не меняет, – парировал разошедшийся философ. – Разбойник – он и есть разбойник. И теперь наш «Акбар» рекламируют англичане, как собственное ноу хау. Необходимо во всем, и не только в этом, хорошенько разобраться и дать заслуженную юридическую оценку на уровне Гаагского трибунала. Я, кстати, уже занимаюсь подготовкой соответствующей документации по вопросам принадлежности абхазам пород апсуанских скакунов, златорунных коз и круторогих очамчирских буйволов.

Нурби, воспользовавшись минутной паузой возбужденного парня, спросил не без иронии:

- Да ведь ты, Зубер, по своему призванию – прирожденный общественный деятель. Зачем же ты пришел в школу? Стоит ли такому незаурядному и патристичному философу размениваться по мелочам?

- Вот тут-то вы, уважаемый археолог, допускаете политическую близорукость, – очкарик погрозил Нурбию пальцем. – Чтобы получить достойные плоды, необходимо грамотно выращивать саженцы. Мы должны внедрять в умы детей сознание величия своего народа. Этим чувством их изначально необходимо заряжать, как оружие свинцовой пулей.

- Ты хотел сказать, заражать.

- Что?

- Я говорю, ты хочешь заразить всех инстинктом льва, считающим себя царем всех зверей. Ну и как же с такой прививкой в душе будет существовать с миром наш, как ты говоришь, самый миролюбивый народ?

- Как-нибудь приспособимся, – философ машинально протер пальцами вспотевшие очки. – А иначе пропадём, как племена майя и ацтеков. Нас растопчут, ассимилируют, как однажды уже пытались это сделать. Мы сгинем, как древняя Византия и Великая Римская Империя. И этого никак нельзя допустить. Мы не должны сидеть, сложа руки. – Зубер вдруг, спохватившись, хлопнул себя по коленям. – О, мама мия, да перед кем я тут распинаюсь?! Вам-то, Нурби Пакович, как археологу хорошо известно, как это делается. Ведь при раскопках древних городищ и могильных курганов о-го-го, какие фокусы можно вытворять: один дротик – этрускам, другой наконечник стрелы – хазарам, а подвесочку с сапфирами и изумрудиком – в наш абхазский национальный музей. Вот как устраивается удревнение истории своего народа. Если ты, конечно, истинный патриот.

- Что-то не пойму я тебя, фокусник, – Нурби сочувственным взглядом окинул напыщенную физиономию Зубера, – ты, вроде, еще совсем молодой человек, но откуда успел набраться такой дури? Я слышал, как ты постоянно разглагольствуешь на всех форумах и съездах о небывалом величии наших предков. Значит, если поверить тебе, то выходит, что предки живущих рядом, чем-то ниже нас?

- Даже, если это и не так, – голос философа перешел на шепот заговорщика, – мы всё равно должны убедить в этом других и поверить сами.

- Прости, сын великого ростовщика, – Нурби поднялся со скамейки, – но ты мне напоминаешь девицу дурнушку, которая на каждом углу непрестанно талдычит о своей неопишуемой внешности.

- Но, позвольте, коллега, – парень вскочил, взмахнул тонкими ручонками, словно петух крыльями. – Но мой народ...

- Не позволю, – Нурби легким тычком ладони в грудь вернул его на скамейку. – Мы, по-видимому, говорим с тобой о разных народах. Но тот, который я представляю, не нуждается в твоих надуманных легендах. Так что, дорогой оратор, заткни своё орало на эту тему и не позорь нас перед всем белым Светом. Такие, как ты деятели, будут пострашней любой вооруженной банды. Вы же – стихийное бедствие для любой нации...

19.

В воскресные дни дети с окраины городка обычно собираются на пустыре, чтобы порезвиться и поиграть, кто во что горазд. На этот раз мальчишки и девчонки вместе с детьми Бабуцы убежали подальше от сверстников, и чуть ли не до полудня заигралась в прятки.

Выпал черёд жмурится Апту. Парнишка, положил лицо на руки, прижатые к огромному, в рост взрослого буйвола, валуну, и начал отсчёт. Ре-

бьята рассыпались по поляне, словно бобы на зеленой скатерти. Все прятались в, заранее примеченных укромных местах, а Фридона отчего-то потянуло в сторону леса. Апту уже отсчитывал второй десяток, а его нерасторопный брат всё еще не укрылся. Он бежал и уже чувствовал, что до леса ему не успеть, а спрятаться было негде. И тут Фридон услышал сдержанный смех одноклассницы Миля: «Эй, рыжик, беги сюда!». Девочка выглядывала из-за приземистого кустика молодого орешника и махала ему рукой. Мальчишка, запыхавшись, подбежал к улыбающейся курчавой девчонке и присел возле неё. Апту вскоре всех застукал, кроме Фридона с Милей. Он уже облазил все овражки, заглянул за каждый куст и камень: спрятавшихся нигде не было. А те сидели, затаившись, и тихо-нечко посмеивались над ним.

- Я и не заметил, когда ты успела здесь спрятаться? – удивляясь девчоночьей прыти, спросил Фридон.

- А я быстрая, как заяц, – улыбнулась Миля. – В нашем классе никто не может меня обогнать. А прошлой осенью я даже от одного здоровенного гвардейца сумела убежать.

- Он хотел тебя убить?

- А, может, что и похуже...

Девочка не договорила. Ее темно карие глаза в одно мгновение наполнились страхом. Она увидела, как в их сторону, крадучись по густой траве, подползает серый волк. Миля вскочила и бросилась бежать с криком:

- Анклейф, ингелэ, анклейф!*

Фридон недоуменным взглядом проводил девчонку, обернулся и, сразу узнав Серого, протянул к нему руку. Волк лизнул ее и улёгся рядом.

- Здравствуй, дружок, – Фридон прижался лицом к пушистой шерсти зверя. – Как ты нашел меня?

Волк заурчал, глядя на Фридона, и в его желтых глазах, будто бы прочитывались мысли: «Я больше тебя не брошу, мы теперь навсегда будем вместе...»

- Я заберу тебя в наш двор, – нашептывал волку на ухо мальчик. – Там моя новая мама Бабуца и мои братья. Они очень добрые и будут любить тебя, как и меня. Ты же пойдёшь со мной и станешь, как и я своим?..

Серый поднял голову, и уши его настороженно вздрогнули.

- Эй, медноголовый брат! – донёлся радостный голос Апту. – Я засёк тебя! Вылезай!

Мальчишка стал приближаться к орешнику и вдруг на него из-под ветки сверкнул волчий взгляд. Апту машинально выхватил пистолет и выстрелил, не целясь. Из-за кустов с криком выскочил Фридон:

- Что ты наделал?! Изверг! Убийца!

- Я спас тебя, – растерянно бормотал Апту, сам перепуганный шумом выстрела. – Это же зверь, он мог тебя сожрать...

- Это ты зверь! А он мой друг! – забился в истерике над телом хищника Фридон. – Он нашел меня, потому что любил меня! А ты его убил!

Тут же сгрудилась вся ребячья ватага. Дети испуганно смотрели то на мертвого волка, то на Фридона и ничего не могли понять. Виталька жался к Апту и с укоризной смотрел на него заплаканными глазами и с сочувствием – на плачущего брата.

- Ну, зачем ты умер? – визжал Фридон, заглядывая в затухающие волчьих глаза. – Ты же один оставался у меня из той жизни... Я вспоминал тебя и разговаривал с тобой во сне...

- А говорил, что не умеешь плакать, – всхлипнул Виталик, шмыгнув носом, – а вот теперь ты плачешь...

- Не плачу, – тихо пробормотал Фридон суровым и, вдруг возмужавшим голосом, – это дождик...

Юноша, и в самом деле, не плакал. Только сейчас дети заметили, как с чистого неба без единого облачка накрапывал дождичек. Он был мелок, как песчинки, но падал часто и густо, увлажняя темнеющую шерсть бездвижного волка. И от этой небесной влаги тот, прямо на глазах, стал, как бы, уменьшаться в размерах, пока не стал похож на маленького, околевающего щенка...

Ребята вместе с Фридоном похоронили Серого здесь же под орешником и, молча, как взрослые люди, возвращающиеся с кладбища, неспешно разбрелись по домам.

Этой ночью Виталик, осторожно, на цыпочках подкрался к постели Фридона и толкнул его в бок. Парнишка не спал и в полутьме разглядел в руках братишки блестящий металл револьвера.

- Пошли, – шепнул Виталик, – я стащил его у Апту.

- Зачем? – жуткие мысли вспыхнули в мозгу Фридона.

- Я хочу наказать убийцу?

- Какого убийцу?

- Вот этот чёртов пистолет, который убил твоего друга, – Виталька дернул за рукав Фридона. – Ну, чего сидишь? Пошли, пока Апту не проснулся.

При бледном лунном свете братья обошли дом и направились в дальний край хозяйственного двора. Фридон понял, что Виталик, шедший впереди, собирается утопить оружие в уборной. И он, незаметно для младшего, нагнулся и поднял с земли камень.

- Это ты хорошо придумал, – Фридон протянул свободную руку и взял у Виталика револьвер. – Я сам его накажу. Это же моё дело. А тебе в такую позднюю пору незачем туда соваться. Говорят, по ночам джины охотятся на маленьких детей и топят их в вонючей жиже.

Виталик, ёжась от холода и страха, и переминаясь с ноги на ногу, согласился и стал ждать, когда старший совершит праведное дело. А тот, войдя в туалет, сунул пистолет за пазуху, а в яму швырнул бульжник.

* Анклеиф, ингеле, анклеиф – убегай, мальчик, убегай (иврит)

- Слыхал, как плюхнулся? – спросил Фридон Виталика, возвращаясь с ним в дом.

- Ага, – кивнул мальчонка. – Булькнул здорово, и захлебнулся, будто ты туда автомат забросил. Так ему и надо. Если б не этот пистолет, то Апту не выстрелил, и твой друг остался бы жить. И, вообще, Фридон, зачем люди придумали оружие? Разве им мало камней и палок? Не понимаю я взрослых. Лучше б понаделали компьютерные стрелялки с пистолетами и пулемётами, а всё настоящее утопили в туалетах. Как думаешь, много больших отхожих мест на Земле?

- Много, – улыбнулся Фридон, – но для танков и истребителей еще не вырыли такое кладбище...

20.

Тоскливо Амирану одному в пустом доме. День еще как-то, наполненный хозяйскими заботами, проходит незаметно, а ночью, когда мир погружается в дрему, и усталость давит на плечи, грусть колючей изморозью выползает из всех щелей. Старик подолгу бродит по комнатам. Поскрипывают половицы, оживляя бездушное пространство, и хозяину кажется, что всё вокруг вновь заполняется родными голосами.

В этот вечер Амиран после своих неизменных блужданий по дому быстро утомился и, не раздеваясь, улёгся на кровать. Прикрыв глаза, он вдруг явственно представил, как в спальню вошел старший сын Эреджиб...

- Здравствуй, отец.

- Здравствуй, сын. Присаживайся и расскажи, что в мире творится.

- А в мире всё по прежнему, отец. Ночью расцвела наша айва, но ветер развеял лепестки...

- Не велика беда. Впереди еще много теплых дней, но я не про это. Ты, наверное, не знаешь, что у тебя еще один сын появился.

- Знаю, отец. И я этим очень доволен.

- Его Фридоном зовут, и ему в этом году исполнилось тринадцать лет. А вот доченьки твоей уже нет с нами...

- Не беспокойся, папа. Она со мною, рядышком. И мы вместе радуемся вашему счастью...

Амиран засыпает и снится ему недобрый сон...

Толпы людей движутся по выгоревшей местности. Вдоль дороги стоят разрушенные дома и обугленные деревья без единой ветки. Амиран с семьёй бредёт по обочине. Его сын Эреджиб с братьями толкают впереди себя тележки нагруженные домашним скарбом. И вдруг он останавливается и с укором смотрит на Бабуцу:

- Женщина, ты забыла в доме нашу колыбель?

- Но зачем она нам нужна?

- А в чем ты будешь убаюкивать наших деток?

- У нас их уже трое ...

- Колыбель пригодится нашим внукам. Иди и принеси ее.

- Я сам принесу, – Амиран возвращается в опустевший дом.

Но дом, который они покинули недавно, оказывается, совсем не тот, а старый, отцовский. Амиран ступает по пружинистой глине пола и видит, свисающую с потолка, очажную цепь с крюками.

- Как же я мог забыть ее? – изумляется Амиран и снимает ее. – Без этой вещи нам никак не обойтись на новом месте.

Он возвращается на дорогу с колыбелью под мышкой и цепью, болтающуюся у него на шее. Амиран улыбается, довольный тем, что прихватил из дому всё самое необходимое.

- Чему ты радуешься, отец? Нас изгоняют с родной земли на чужбину, – укоряет младший сын. – Мы ведь проиграли войну и теперь вот стали беженцами, теряющими родину.

- Не в первый раз теряем, сынок, – продолжает улыбаться Амиран, – теряем, но, всё равно, остаёмся непокорёнными. И мы же не одни такие беженцы-махаджиры. Смотри, сколько нас: все народы Абхазии и даже наши братья абазины и адыги решили разделить с нами горькую судьбу. Да еще и Богу, изгнанному отсюда, тоже с нами по пути! Не пропадём, родные мои, не сгинем!

- Наш отец с горя сошел с ума, – горестно вздыхают сыновья Амира-на и в скорбном молчании движутся к берегу моря.

- Смотрите! – радостно взвизгнул Виталик и указал в сторону Большой поляны. – Там готовится какой-то праздник! Айда, посмотрим напоследок!

- На чужое торжество лучше смотреть издалека, – Эреджиб остановил тележку. – Там сейчас, вроде как, начнется парад победителей.

- А вон их царь, – Апту указал пальцем на человека на движущейся бронемашине, выкрашенной в белый цвет...

- И этот царь, небось, воображает, будто едет на белом коне, – тихо произнесла Бабуца, – и весь он в таком красивом одеянии, как жених...

- А взгляд у Верховного командира дерзок, как у насильника, укравшего чужую невесту, – вдруг, согнав улыбку с губ, угрюмо проворчал Амиран.

На Большой поляне выстроились в два ряда танки с поднятыми к небу стволами. Впереди них замерли в парадной форме гвардейцы. К ним приближается бронемашина с, восседающим на ней седовласым мужчиной. На нём белая черкеска, фуражка с высокой тульей и серебристой кокардой. На плечах его золотом сверкают эполеты. Машина остановилась посреди поляны. Командующий встал во весь рост и, не снимая черных очков, поднял в приветствии правую руку. В левую ладонь он взял микрофон и заговорил скрипучим старческим голосом:

- С чувством искренней радости и уважения к доблести вашей поздравляю вас с покорением строптивного племени и окончанием еще од-

ной Кавказской войны! Своим мужеством в боях, своей беспримерной твердостью в перенесении тяжелых трудов...

- Награбленного, – вставил Эреджиб.

- ... и лишений, – продолжает Верховный, – сослужили вы Государю и Отечеству великую службу: ни ужасы диких, недоступных убежищ, ни отчаянное сопротивление обитателей их, ни суровая стужа, ни палящий зной – ничто не остановило вас – всё преодолели вы, не слабые духом, запечатлевая потом и кровью каждый шаг, – и достигли цели! Благодарю от всей души начальников, офицеров и нижних чинов за их молодецкую службу, увенчанную полным успехом. Я горжусь вами более, чем когда-либо!

Загремела музыка духового оркестра. Горное эхо подхватило военный марш и тысячеголосое приветствие:

- Да здравствует наш вождь, отец народов – Георгий Победоносец!

Толпы беженцев продолжили свой путь к морю. Там у причалов их поджидают веселые моряки с кораблей и лайнеров под флагами иностранных государств. А тем временем по дороге из-за Ингура и по лесистым склонам движутся вереницы чужестранных переселенцев со своими хозяйскими пожитками. Но их лица не светятся счастьем, как у воинов-победителей. Глаза их полны скорби и отчаянья. Сзади этих людей подгоняют солдаты и полицейские с автоматами и покрикивают:

- Выше головы, братья и сестры! Самим Верховным издан Указ о всенародном ликовании! Радуйтесь нашей победе! Радуйтесь и занимайте освобожденный для вас Рай!

- Но, как можно ликовать по указу на землях несчастных изгнанников, – возмущается толпа, бредущая в опустошённой местности.

- Теперь это ваша земля! – смеются пьяные командиры. – Берите ее, сколько хотите и вновь насаждайте мандаринами и виноградниками!

- Зачем вы нас пригнали на эти пепелища?! – плачут навзрыд женщины. – Верните нас в наши родные долины!

- Мы не хотим жить на кладбище! – выкрикивают, крестясь, старики и старухи. – Будьте прокляты те, кто разрушили здесь храмы!

К семье Амираана направился старик Ладос и остановился поодаль, не решаясь, подать другу руку для приветствия.

- Мы тоже беженцы, – заговорил сосед с виноватой улыбкой. – Простите нас, братья и сестры абхазы, но наших насильно гонят сюда. И мы не можем противиться воле своего пастыря.

- Но, зачем же вы святотатствуете, называя его Георгием Победоносцем? – спросила Бабуца. – Это же самый настоящий Бедоносец, если плоды его деяний – смерть и выжженная пустыня...

Амиран прервал сноху и подошёл к Ладосу:

- Не обращай на нас внимания, приятель. Сердца толпы слепы и потому мы всегда склонны считать, что зло не от высшей власти, а от тех, кто ниже ее, – старик обнял друга и с ободряющей улыбкой подмигнул ему. –

А, всё же, здорово, дружок, что мы тогда не восстановили нашу ограду. Займи оба дома, Ладо, обживай их и попытайся быть счастливым...

Амиран проснулся прежде, чем достиг моря у края земли Апсны. В своём сне он упал, обессилев, от тяжести очажной цепи, тянувшей его к земле, словно якорь утлое судёнышко с изодранными парусами...

21.

В школе после уроков мальчишки на стадионе гоняли мяч. Фридону кто-то сделал подножку, и он, завалившись на бок, ударился коленом и громко выкрикнул: «Ой, дэди!»*. Ребята недоуменно переглянулись и, молча, насупившись, отошли, оставив его, лежащим на земле. Вместе со всеми отошли и братья. Мальчик тут же вскочил, и хотел было включиться в игру, но его уже, будто бы, никто не замечал. Обескураженный и обиженный, покидая площадку, он вдруг услышал позади чей-то голос: «Он не наш...»

Во дворе Бабуца возилась у дымящейся печи. Фридон подошел к ней и, присев рядом, спросил:

- Бабуца, скажи мне, наконец, кто я на самом деле?
- Ты мой сыночек.
- И я тоже абхаз, как и Апту с Виталиком?
- Теперь-то уж ты точно не чужой, – улыбнулась Бабуца.

* дэди – мама (груз.)

- А ты кто?
- Я простая женщина, твоя мама.
- А ты сама, отсюда, а не из-за той реки?
- Народ моей нации живёт на этом берегу, а на том живут другие.
- А, зачем люди делятся на нации? – не унимался мальчик.
- Нация, сынок, – это как порода у дерева. Есть груша, а есть и яблоня.

И у каждой есть своё место в саду.

- А мы с тобой, какое дерево, мама?
- Разве это так важно, сынок.
- Было б не важно, мальчишки бы меня не сторонились.
- Зато мы тебя любим, как любили нашу Фриду.
- Значит, вы не можете любить меня, как обыкновенного рыжего мальчишку?

- Еще как можем, – Бабуца прижала к себе ребенка, положив его голову на свои колени, – и любим тебя, как родного...

Однажды промозглым зимним утром к дому Бабуцы подошла женщина и постучалась в калитку. Хозяйка вышла и увидела шупленькую, ростом с девочку подростка, незнакомку, заговорившую с ней по-абхазски с мегрельским акцентом:

- Извини, сестра, я оттуда, – женщина кивком указала в сторону реки. – Меня Софико зовут. Я пришла к вам с очень важным делом.

- Слушаю тебя, – Бабуца отступила, впуская нежданную гостью. – Пройди в дом и расскажи о своем деле.

- Не просто мне говорить об этом, но жить с этим и ничего не делать я больше не могу, – женщина разрыдалась и вдруг медленно опустилась на колени. – Отдай, Бабуца, моего сына. Тот рыженький, которого ты нашла – моя потерянная кровь.

Бабуца от этих слов обмерла, но вид женщины, стоявшей перед ней на коленях, заставил прийти в себя и поднять её за плечи.

- С чего ты взяла, что он твой?

- Молва людская донесла, что ты приютила беспамятного мальчика, – мегрелка, не унимая всхлипы, стянула с головы платок, обнажив свою седую голову. – Мы жили здесь в центре этого городка. Когда пришли гвардейцы, моего мужа, доктора призвали служить в госпитале. Но человек он с совестью и честью, и потому не захотел лечить их раненных. И однажды мы, опасаясь мести пришельцев и своих соседей, бежали отсюда. И в этой суматохе потеряли сыночка...

На женский плач из дому вышли дети. Они стали на ступеньках в ряд: Виталик и по обе стороны его Апту и Фридон. Бабуце показалась, что эта женщина немного не в себе и глаза ее светились каким-то не здоровым блеском. Но надо было что-то делать: а вдруг, и в самом деле, той повезло найти своё дитя.

- Ладно, сестра, успокойся и давай разберемся, – взволнованно произнесла абхазка. – Укажи, который из них твой?

Грузинка пристально всматривалась в лица двух старших мальчиков, одетых в рубашки одного цвета и фасона. Ее ощупывающий взгляд попеременно перебежал с одного на другого. И тут она протянула руку к Фридону:

- Отарик мой, сыночек, подойди к маме...

Парень растерянно смотрел на женщин. Обе они были, чем-то похожи друг на друга: согбенны, простоволосы и седы. По щекам обеих, по одинаково глубоким бороздкам морщин, словно взрезанным одним горем, стекали прерывистые струйки слёз, будто они сочились из одной пары материнских глаз.

Софико торопливо достала из своей сумочки фотографию и протянула ее Фридону.

- Вот смотри, это вся наша семья, – затараторила она страстно, без тени сомнений. – Вот здесь ты и папа, а это я и твои сестренка с братиком. Узнаёшь, Отарик? Ты, сыночек, грузин, а они абхазы. Так уж распорядился Господь...

- Я не хочу быть человеком с того берега, – насупился Фридон и отвернулся.

- А так оно и есть, ты не оттуда, – странная улыбка озарила лицо Софико. – Ты, мой милый, родился здесь на этой земле, и потерялся. И вот теперь, слава Всевышнему, нашёлся. Пошли домой, сердце моё...

- Здесь мой дом, – Фридон, казалось, готов был расплакаться. – А вас я, тётя, не знаю.

- Душа моя, смирись с судьбой своей, – заговорила Бабуца, рассматривая фотографию. – Ты, и вправду, чем-то схож с этим мальчиком. И эта женщина считает, что она твоя настоящая мама. Сходи к ним, присмотришься. Может, что и вспомнишь...

- Но, почему она, а ты не можешь быть моей мамой? – мальчик отступил в прихожую.

- Потому что ты, наверное, ее потерянный ребенок, – тихо произнес Апту. – Ты же ничего не помнишь, а она думает, что узнала тебя.

- Да, я узнала, несмотря на этот шрамик на щеке, – грузинка, чуть ли не силой, вывела за руку Фридона во двор. – Личиком ты немного изменился. Но сердце моё узнало тебя по печальному взгляду. Ты всегда так смотрел, когда тебе чего-то недоставало, – она обернулась к Бабуце. – Но он никогда, ни у кого ничего не просил. Он ведь у меня очень гордый. Ты ведь тоже замечаешь, сестра Бабуца, в его глазах неприкаянность заблудшего ягненка, потому что ребенок истосковался по родной семье...

Софико обняла и стала целовать юношу, стоявшего перед ней с безвольно опущенными руками.

- И вот ты нашелся. Благодарю тебя, Господи, что сподобил свершиться такому чуду, – лепетала она непрестанно и настойчиво тянула Фридона за рубаху. – Пойдём со мной, мой хороший. Там все тебя ждут. Мы извелись, вспоминая нашего рыженького Отарика. Ой, как будут рады твой маленький братик и сестрёнка...

- И у меня была сестренка, – Виталик тихо всхлипнул, – а вы её отняли у нас, а теперь и его забираете...

- Не надо, малыш, – Бабуца привлекла к себе сыновей. – Не будем заплакивать его дорогу. Расстанемся без слез и порадуемся счастьем этой женщины.

- Если она не ошибается, – тихо добавил Апту и отвернулся, скрывая намернувшуюся слезу.

- Спасибо, добрые люди, – женщина поклонилась низко в пояс. – Спасибо, что привели моего сыночка, спасибо, что вернули. И простите нас за все свои страдания. И поверьте, наша семья никому не причинила зла...

Фридон вырвал ладонь из руки мегрелки и приник к груди Бабуцы.

- Я совсем их не помню и уже привык, что ты моя мама.

- Но ты же знаешь, что это не так, – абхазка, преодолевая боль сердца, отстранила мальчика от себя. – Каждый должен расти в своей семье. Пересаженному дереву не просто прижиться в чужом саду...

- Прощай, Отари, – Апту по-мужски сдержанно хлопнул по плечу мальчика. – И не забывай, мы, всё равно, братья...

- Не забуду, – Фридон попробовал улыбнуться, но спазмы вдруг сдавили горло, оттого, что его уже не называют прежним именем, и он поспешно, увлекаемый, суеющейся от счастья женщиной, вышел со двора.

- Иди, беги от нас, Отарик, уходи! – уже навзрыд ревел Виталька, выснувшись из-за каменного забора. – Может, там ты вдоволь накушаешься и объешься своего хачапури ...

- Эй, брат! – крикнул Апту, выйдя за калитку. – Ты по воскресеньям выходи на берег! Будем видеться! А, если что, то возвращайся...

22.

Быстро, очень быстро, словно за нею гнались, удалялась Софико от абхазского городка, держа за руку, всё ещё недоумевающего парнишку. У моста, где расположен блокпост, их встретили российские миротворцы. На вопросительный взгляд знакомого русского капитана она улыбнулась:

- Это мой родной сын Отари. Я его там нашла и вот возвращаемся. Думали, пропал насовсем, а он нашелся.

- Идите, гражданочка, и больше не теряйтесь.

- Пошли, сыночек, поспешим, мой цыплёночек, – вновь затараторила Софико, и всё заглядывала в глаза своего Отарика. – Там у нас новый, уютный дом с твоей новой комнатой. Мы все твоё сохранили. Натэллочка сберегла и твои книжки и игрушки, и альбом с рисунками.

- Кто такая Натэллочка? – угрюмо спросил мальчик.

- А ты не помнишь? Это же твоя старшая сестра.

- А как зовут брата?

- Нодар, Нодарик. Он младше тебя на шесть лет, – женщина сочувственно ободряюще погладила по спине, шагавшего рядом юношу. – А Натэлла всего на годик старше тебя. Ты только увидишь их и сразу узнаешь и тогда всё вспомнишь. Ведь прошел всего лишь год. Но, каким же долгим он был для нас. А мы, не переставая верили, что ты когда-нибудь разыщешься. И только твой папа Вахтанг уже стал сомневаться. Он же болен, сильно страдает и лежит в постели. А вот увидит тебя, обрадуется и от радости, может быть, поднимется...

Глаза беспокойной, невысокого росточка женщины сияли счастьем. Она то забегала вперед, то отставала, то семенила рядом с долговязым, худеньким юношей и, без умолку говорила и говорила. Глядя на них со стороны, можно было подумать, что это не мать разыскала своего дитя, а нашлась шустрая сестрѐнка, и теперь, радуясь встрече, бежит за своим старшим братом. Так восторженно проявляет свои чувства, потерянный и нашедшийся жеребенок, увидев свою мать-кобылицу. Софико, если бы не ее возраст, наверное, сейчас вприпрыжку бегала б вокруг своего Отарика и восторженно возносила благодарения всем святым.

- А что с отцом, – спросил мальчик, когда они уже подходили к приземистому домику под черепичной крышей, – он, что ранен ополченцами?

- Он в душу ранен, – тихо ответила Софико, – в одночасье ноги отнялись от ужаса, увиденного в госпитале. Но одна знахарка уверила нас, что Вахтанг может поправиться. Его лекарство – неожиданная радость, стресс новым стрессом излечивается. Вначале он же и дар речи потерял, а с месяц назад заговорил. Тебя ждет. Сомневается, но всё равно ждет...

Грузинская семья ждала своего Отари с нетерпением и с настороженным беспокойством. Здесь все говорили на своём родном языке, и мальчик понимал их и без труда отвечал им. Маленький Нодар, увидев его, с восторженным визгом кинулся на шею, а потом, взяв его за руку, остался стоять рядом. Четырнадцатилетняя Натэлла сдержанно, долго сквозь слезы рассматривала новоявленного брата.

- Это ты, Отарик? – срывающимся, тихим голосом спросила она.

Мальчик молчал. Она еще раз назвала его именем своего брата, но в глухой тишине комнаты голос ее, как будто бы, обращался в темноту, в которой не виден был окликаемый.

- А кем ему еще быть? – мать, продолжая пребывать в возбуждённых чувствах, подтолкнула дочь к Фридону.

Они неловко обнялись, и мальчик вдруг почувствовал, что еще мгновение, и он не сумеет сдержаться и тоже расплачется. От близости тепла дыхания девочки он ощутил что-то родное, вплеснувшееся в его сердце, как вино из одной чарки в другую при соприкосновении. А, может, это показалось, потому что в эту минуту ему никак не хотелось видеть в глазах Натэллы слёз разочарования. «А вдруг, и вправду, я – Отари, а они мои родные, – подумал Фридон. – И понапрасну противиться моя душа, когда мне надо просто привыкнуть к ним и полюбить, как, наверное, я их любил когда-то...»

- Я же говорила, – снова зашебетала Софико суетливой птахой, – я же чувствовала, что это он, наш мальчик. Сердце меня не обмануло, и вы не обманулись, потому что верили. А теперь, сынок, поспешим обрадовать папу.

Она постучалась в дверь и, не дожидаясь ответа, открыла ее.

- Вот мы и пришли, Вахтанг, – женщина подвела мальчика к кровати с, лежащим на ней под простыней мужчиной в тёмных очках с, гладковыбритым лицом. – Это твой отец, Отарик, обними его.

- Оставьте нас наедине, – велел тот сдержанным приятным голосом, а когда все вышли, тихо произнес, – Подай мне свою ладонь и скажи, кто я.

- Ты... – мальчик протянул руку, но от растерянности не мог вымолвить ни слова.

Он понял, что этот человек слеп или не достаточно хорошо видит его. И от этого у Фридона на душе стало как-то зябко. Холодная рука притянула его поближе к кровати и, коснувшись лица, дрогнула, застыла на мгновение и медленно, будто ощупывала каждую косточку, прошлась по спине.

- Ты не узнаёшь меня, потому что никогда не знал, – заговорил мужчина, приглушая свой голос, чтобы их никто больше не слышал. – Я Вахтанг – отец этого семейства.

- Я это понял, – кивнул мальчик.

- Сколько тебе полных лет?

- Врачи перед школой осмотрели и сказали – тринадцать.

- Как тебя прежде звали?

- Фридоном.

- А теперь, парень, пожалуйста, называйся тем, за кого тебя здесь почитали. Прошу, избавь их от душевной горечи. Тем более что рассудок Софико, как ты, наверное, заметил, сильно помрачён пережитым горем.

- Думаю, нет, дядя Вахтанг, – тихо, смущаясь, заговорил юноша, – она просто не хочет верить в смерть, как и я.

- Надежда, конечно, хорошее подспорье для жизни, но правда жизни жестока, – Вахтанг глухо откашлялся. – Ну, что, сумеешь выполнить мою просьбу, хотя бы на какой-то срок, пока жена моя окончательно не придёт в себя и не смирится с невозвратной потерей?

- Постараюсь, если вам так надо, – мальчик снова кивнул. – Но, может, мне не надо будет притворяться? Я ведь сам ничего не помню из своего прошлого. А вдруг я...

- Нет, – Вахтанг глубоко втянул носом воздух, как бы, вдыхая непривычный запах, исходивший от Фридона. – Будь мужчиной и не тешь себя неправдой. К сожалению, ты и не тот, кого мы ждали.

- Вы же не видите меня, – смутился Фридон.

- Мой сын не имел привычки носить пояс так высоко и не затягивал его так туго, – лёгкая улыбка мелькнула на лице мужчины. – Но не только этим ты отличишься с нашим Отари, хотя ты чисто говоришь на нашем языке. И тембр ваших голосов, на удивление, абсолютно идентичен. Теперь ты должен стать им – братом Нодара и Натэллы и сыном их матери, которая, видно, уже никогда не встретит своего настоящего потерянного сына.

- Всякое случается, – несмело возразил юноша.

- Случается, но после этой войны редко какой семье везёт, – краешки губ Вахтанга сникли в печальной улыбке. – А я, как ты заметил, глазами слаб, но с каждым днём с ужасом замечаю, как зрение возвращается ко мне.

- Но, разве это плохо? – удивился Фридон.

- Худшей муки для меня не придумать, – мужчина снял очки. – Вот уже различаю контуры людей и крупные предметы. А что будет, когда белый свет для меня прояснится полностью? Я увижу всё, но только не моего мальчика...

- И, всё же, как вы сразу догадались, только дотронувшись до меня, что я, это не он?

- Я же доктор, – усмехнулся Вахтанг, – и роды детей у Софико принимал я сам. Раньше матери я брал их на свои ладони. Глаза мои были мокры от слёз радости, а руки навсегда запомнили тельца всех младенцев. Каждый изгиб и все складочки запечатлелись на моих пальцах. Помню и то, как они, взрослея, менялись. А у тебя, юноша, совсем другая кость и волосы хотя и рыжие, как сказала супруга, но пожестче, чем были у него, и пахли они запахом своей матери...

Той ночью новый жилец семьи Софико долго ворочался на непривычной для него мягкой перине. Когда он закрывал глаза, то перед ним всплывали образ Вахтанга и пустая коляска для инвалидов, стоявшая возле кровати. Открывая глаза, он видел, как в призрачном свете луны со стен с фотографий смотрят на него незнакомые люди. Для Фридона во взглядах каждого из них читался пронзающий укор. Сон не шел к нему. Он отвернулся к окну, но тут же осознал, что спать ему не даёт горячий, обжигающий стыд, теснящийся в груди, и подступающий к нему со всех сторон. Это неумолимо горькое чувство, будто взирало на него отовсюду. Из-под бухарского ковра стыд нашептывал: «Что, сытно поужинал? Не плохо пристроился, приживальщик? Но, знай, я тебя не оставлю в покое». И тот же стыд, вдруг, свесившись с абажура, верещал летучей мышью: «Приятно нежиться в чужой постели? А на ней когда-то спал добрый и совестливый мальчик...». Даже из-под пола, казалось, стыд донимал его писком крысенка: «Признайся и покайся в своём вранье...» «Но признаться, это, значит, обмануть полузрячего Вахтанга, – мучительно размышлял юноша, – нарушить данное ему слово и снова ввергнуть в отчаяние и бесконечные ожидания, не совсем здоровую рассудком Софико, и ее детей. Разве они в виноваты в том, что обманулись и поверили, потому что очень уж этого хотели?..»

Фридон ставший теперь Отари, а до этого вообще неведавший, кем был, засыпая, всё думал и думал, как поступить ему дальше. Раскрыться перед Нодариком, Натэллой и их несчастной матерью, и быть с позором, выдворенным, или самому тихонечко сбежать этой же ночью? А иначе, как здесь жить, как спать, есть и улыбаться, зная точно, что он снова оказался в чужой семье? Там, у Бабуцы ему не надо было изображать из себя кого-то. Его приняли, дали имя и он с ним начал жить, будто родился заново. Единственное, что вначале претило его душе, так это терпеть непрестанные сравнения его – приёмьша с покойной рыжей девочкой. Но и с этим он со временем свыкся. Став Фридоном, он даже, дабы, хоть чем-то радовать этих добрых людей, приноровился лукавить и нарочито спрашивал порой: «А Фриде нравились такие же ракушки, как и мне?», «А она любила писать буквы на пропотевших оконных стеклах, как и я?» От таких невинных хитростей семья всегда приходила в восторг и с простодушием одаривала Фридона умилительными взглядами. Так бывало там, за рекой, а как ему прижиться на этом берегу? Дав обещание Вахтан-

гу, молчать, он теперь вынужден будет жить во лжи перед уверившимися в неправду...

23.

В один из дней Софико повела своего Отарика в магазин и накупила ему всякой одежды. Когда он переоделся во всё новое, Натэлла, собрав в пакет джинсы, подаренные Апту, рубашку, сшитую Бабуцей и кроссовки, которые купил ему дед Амиран, хотела выбросить. Но Отари не позволил ей этого сделать. Он сунул пакет под свою кровать, пообещав, что сам как-нибудь избавиться от этих вещей. Никто не возразил юноше. Ему здесь вообще во всем старались потакать. Дети и мать приноравливали его к новой жизни с заботливой осторожностью. Даже маленький Нодарик раскрывал перед нашедшимся братом особенности семейного быта и привычки домочадцев с осмотрительностью и наивной простотой, прижимая свой пальчик к губам:

- Натэлла наша чистюля и любит порядок, а мы с тобой, как она рассказывала, разбрасывали свои вещи, где попало. Она всегда жаловалась маме, но наша Софико не сильно ругала нас. Вот в этой кухне мама готовит обед, а потом садится у этого окна, смотрит на реку и тихо плачет. Совсем неслышно плачет, не так, как я, когда набью себе шишку, а слёзы по ее щекам текут и текут. Натэллка всё время задерживала занавеску, а мама снова, как будто, не нарочно, отводила ее. Говорила, пускай хоть белый свет приходит с родного берега в наш дом. А теперь, Отари, когда ты вернулся, все занавески у нас будут распахнуты.

- А, как наш папа? – спросил Отари. – Он, наверное, сильно мучается из-за своей болезни?

- Раньше очень сильно, – Нодарик перешел на шёпот. – Когда не мог разговаривать, я боялся его услышать. Он, то громко рычал, то жалобно скулил, как маленький котёнок. А как заговорил, первое, что сказал: «Лучше б вы меня потеряли...» Он так страшно скрежетал зубами и тихо говорил сам себе: «Если, даст Бог, найдётся мальчик, это он про тебя, Отарик, то я со спокойной душой покончу со всем этим...» Ты не знаешь, с чем он хотел покончить?

- Конечно же, со своими страданиями, – ответил Отари. – Хочет выздороветь...

Дом Вахтанга и Софико, несмотря на неказистый внешний вид, был просторен и обустроен по-современному с котельным отоплением, столовой, спальными и ванной комнатами и отдельным туалетом. Юноше нравились все эти, необычайные для него, удобства. Поначалу он, бывало, растерянно плутал в лабиринтах помещений и изучал своё новое жильё. В этом ему ненавязчиво с благодушием помогали Софико с младшим сыном, как старались и в том, чтобы он вспомнил себя прежнего.

- А помнишь, как ты в нашем старом саду упал с дерева инжира? – смеясь, спросил его однажды Нодар.

- Нет, – Отари с трудом выдавил из себя улыбку, – не помню, потому что от того падения я, наверное, и начал терять память.

- Но ты мог бы помнить вот эту мою куклу, – Натэлла с хитрой ухмылкой достала с полки глиняного человечка в рубашке, брючках и наклеенными волосами.

- Это её дружок Откровение, – засмеялся Нодарик. – Он без лица, потому что Натэлла, когда разговаривает с ним, называет его разными именами.

- Какими именами?

- Он у меня то папа или мама, или Отарик или Нодарик, – Натэлла маленькой расческой поправила волосики куклы. – А то он и просто Боженька.

- Неужели, не помнишь? – занервничал Нодар. – Но ты же сам слепил его и подарил ей на день рождение.

- Да, – парнишка снова натужено улыбнулся, – помню. Тогда, кажется, был торт и много свечек. Его испекла наша мама, а мы ей помогали. Так?

- А вот и не так! – весело всплеснул руками Нодар. – Ты всё забыл, Отарик! Торт папа заказал и привёз его. А рисовать ты не разучился?

- А я умел? – насторожился Отари.

- Вот же твои рисунки, – мальчик протянула раскрытый альбом для рисования. – Попробуй, может, еще умеешь.

Мальчик стал рассматривать незнакомые изображения животных: орла в голубом небе, корову на зеленом пригорке и ослика запряженного в повозку с маленьким человечком в широкополой шляпе.

- А, кого и куда везёт ослик? – Отари взглянул на Нодара.

- А ты вспомни, – расхохотался мальчик. – Это же я еду через наш мост с того берега на этот.

- А где блокпост? – спросил Отари.

- Но, разве ты не знаешь? – в голосе Натэллы прозвучало откровенное недоумение. – Тогда ведь не было никаких постов.

- Ну, нарисуй что-нибудь, – Нодар протянул брату открытую коробку с цветными карандашами. – Хочу такой рисунок, чтобы я уже возвращался в наш прежний двор.

- Мост не получится, потому что он новый, – буркнул Отари и, высунув кончик языка, стал закрашивать белый лист в черный цвет. – Говорят, он был другой, а, какой – я не помню.

- А, зачем столько ночи, Отарик? – недовольно хмыкнул ребенок, тыча пальцем в альбом.

- Потому что у вас нет серого цвета.

- Зато, есть белый, – девочка протянула карандаш.

Отари взял его и, нарисовав бегущее лохматое животное, раскрасил белым. Довольный своим художеством он горделиво взглянул на детей.

- Ну, как?

- Кто это? – настороженно спросил Нодарик.

- Какой-то хищный зверь, – недовольно произнесла Натэлла, разглядывая рисунок.

- Да, это волк, – улыбнулся Отари, – мой друг, которого убили.

- Не надо о смерти, – девочка встала и взяла за руку, разочарованного братишку. – Он только недавно перестал заикаться.

Сестра с братом вышли. Отари посидел еще с минуту, а затем, припилив булавкой лист на ковёр, рядом с фотографиями, тоже вышел.

В доме с утра все знали, что сегодня у отца санитарный день, когда ему дают возможность опорожнить кишечник, искупаться и побриться. В этом ему помогала только жена. Дети в это время не должны были их беспокоить. Проходя, осторожно мимо комнаты Вахтанга юноша услышал его укоризненный голос:

- Ну, сколько раз повторять, пожалуйста, закрывай за собой. Мне известно перед детьми.

- Они же наши, Вахтанг, – ласково утешала мужа женщина и плотнее прикрыла дверь, но разговор их всё равно был слышен. – Зачем стесняешься?

- Но я же, всё ещё мужчина...

Отари, морщась, ощутил, проникший наружу запах человеческих испражнений, перемешанный с терпким ароматом освежителя воздуха. В коридоре вдруг появилась Софико с санитарной «уткой», прикрытой газетой. Она, растерявшись от неожиданности, хотела было отвернуться, но Отари, молча, взял в руки ее ношу и быстро направился в туалет. Вскоре он вошел к Вахтангу и поставил под кровать чисто вымытое судно. Софико в комнате уже не было.

- Спасибо, парень, – смущаясь, произнес мужчина, и указал на, стоящий рядом с кроватью, стул. – Присядь, поговорим. Я, кстати, уже различаю черты твоего лица.

- Вам, наверное, трудно называть меня именем сына? – юноша присел. – А мне думаете, запросто откликаться на «Отари»?

- Нам обоим не просто, – Вахтанг освежил одеколоном лицо и поставил флакон на тумбочку. – Мы теперь, брат, как два заговорщика, не имеющие право открывать свою тайну кому-либо. Не подведешь меня?

- Стараюсь, – вздохнул Отари.

- Тебе станет легче, если будешь помнить, что ложь наша во благо, она святая.

- Как это, святая? – юноша удивленно вскинул брови.

- Ну, вот ты, к примеру, стал бы говорить правду ребенку о его смертельном недуге, когда тому всё ещё радостно смотреть и на солнышко и на мошку, ползающую по стеклу его окна?

- Зачем ребенку такая правда? – смутился Отари.

- Вот и им твоя правда не нужна. И потому твоя ложь называется святой. Она во спасения жизни.

- Вы, батона Вахтанг, говорите так, будто моя правда может у кого-то отнять жизнь?

- Убивая надежду, мы, так или иначе, убиваем частичку человека, – ладонь Вахтанга нервно то комкала край простыни, то вновь ее распрямляла и разглаживала. – С твоим появлением, мальчик, в нашем доме, наконец, поселилось, хоть какое-то умиротворение. Семья моя ожила, как оживают замирающие на зиму ящерицы, когда приходит весна. Ты же сам видишь, как счастливы мать и дети, дождавшиеся своего Отарика. Теперь им больше ничего не нужно.

- Нет, нужно, – возразил Отари. – Они не могут радостно смотреть на солнце и на мошку, ползающую по стеклу из-за вашей болезни.

- Ну, с этим я согласен, – вздохнул Вахтанг. – Да, извелись они со мной, особенно измучилась жена. Но я надеюсь, что всё это теперь исправимо. И в этом, думаю, ты мне поможешь.

- Попробую, – юноша положил свою руку в раскрытую ладонь мужчины. – Я буду делать всё, что вы скажете, дядя Вахтанг. Я сильный и смогу помогать вам делать зарядку и разминать ноги. И еще что-нибудь придумаю, и, может, когда-нибудь... назову вас папой...

- Не назовешь, – мужчина отвёл руку и прижал ее к своей груди. – Не сможешь. Ведь мы с тобой знаем и всегда будем помнить, что это неправда. Себя не обманешь. Я, как врач, слишком рассудочен, и ты, как вижу, не очень-то сентиментален.

- Но бывают же приёмные дети, – мальчик отвернулся и устремил по-грустневший взгляд на дорогу, тянущуюся за окном. – Их любят и жалеют наравне с родными...

- Это совсем другое дело, – Вахтанг прикрыл веки и еще глубже вдавил голову в подушку. – Любовь к усыновлённому проявляется не сразу, не мгновенно, как та, что испытываешь с первым появлением собственного ребенка. Она зарождается постепенно и с осознанием, что другого такого дитя у тебя нет и не было. Но полюбить и обнимать чужого, данного тебе вместо родного, – это, поверь мне, совсем не легко. В этом и заключена вся премудрость человеческой психологии... А что касается твоей помощи, Отари, я приму её с благодарностью. Ступай и порадуй нашими планами мать и сестренку с братом...

24.

На следующий день Отари предложил Вахтангу вывезти его на коляске за село. Погода стояла тёплая и солнечная. По пути они осматривались вокруг, отвечали на приветствия встречавшихся селян и переговаривались между собой.

- Оказывается, в этом посёлке есть много знакомых мне людей, – грустно улыбался Вахтанг. – А ты, узнаёшь, хоть кого-нибудь?

- Нет. Их лица я не помню, а, может, и не знал.

- А я здесь прожил почти год, но никто, ни разу меня не навестил. Значит, они сторонились меня, как чужака с того берега. Днём я слышал через окно их голоса и пытался представить каждого из них. А по ночам они приходили ко мне в гости во снах.

- Расскажите, дядя Вахтанг, какие еще сны вам снятся?

- Разные. Чаще всего мне снится, что я маленький. Да, не смейся, Отарик. В последнее время, как ты у нас появился, я вижу себя ребенком. Я мчусь к реке и, почему-то, на этой коляске, и со мной друзья моего детства. И, что удивительно, тут же бегут и мои дети.

- А я там есть?

- Нет. Но ты где-то рядом, совсем близко. И я всё время слышу твоё дыхание.

- И это правильно, – рассмеялся мальчик. – Вы не можете меня видеть, потому что я бегу позади вас.

- Ты имеешь в виду, что... – Вахтанг повернул голову и усмехнулся. – Ну, конечно, ты же катишь меня на моей никелированной арбе.

- Ну, да, – Отари свернул с дороги на тропинку, сбегавшую к реке. – Сейчас я везу вас, чтобы показать живую воду. Если смотреть на неё долго-долго, то она унесёт с собой все ваши нехорошие мысли. А, как потеплеет – я буду вас здесь купать. Я видел по телевизору, как вода помогает тем, кто разучился ходить.

- В этом есть резон, Отари. Но она и студенной способна мне помочь, – Вахтанг с волнением всматривается на размеренно меняющиеся речные гребешки. – Вода, брат, это удивительная модель жизни нашей природы. Какой бы мусор не загаживал русло реки, но она в короткий срок сама себя оздоравливает и становится чистой, как помыслы ребёнка.

- Ливни еще летом прошли, а вода до сих пор мутная, – юноша указал на торчащие коряги и куски изломанных плетней, с повисшими на них ключьями, колыхающихся бурых водорослей.

- И реке необходимо время, – мужчина похлопал по руке Отари, лежащей на его плече. – А вот, мы – люди, к сожалению, не способны жить как эти воды. Самые мерзкие нечистоты: злоба, ненависть и зависть скапливаются на доньшке души, и захламляют ее до такой степени, что вздохнуть не в состоянии. А вода течет себе и течет, отторгая всё ненужное. И рекам всё равно, какой народ утоляет ею свою жажду. Для неё все, живущие по берегам, разнятся только тем, что одни черпают её правой рукой, а другие – левой...

Юноша присел у коляски и деловито, молча, снял с Вахтанга тапочки носки, и закатал ему штанины повыше. Ладонями он стал растирать синюшные, исхудавшие ноги, пока они не потеплели и не покраснелись. Затем он достал из кармана полиэтиленовый пакет с ручками, набрал в

него воды и начал поливать костлявые коленки Вахтанга. Холодная вода струилась по его голеним к ступням, и он, молча, наблюдал за действиями парня и блаженно улыбался. А тот, охлаждая ноги, снова их растирал и снова поливал водой. Так он повторил это несколько раз и, наконец, с вопрошающей надеждой взглянул на Вахтанга:

- Ну, хоть, что-нибудь чувствуете, батоно?

- Кажется, оживаю, – мужчина, откинув голову, весь напрягся и, не глядя на свои ноги, попытался пошевелить пальцами. – Посмотри, как они у меня там?

- Пока еще не очень, – уныло произнес Отари. – Ваши бледные пальцы-червячки с желтыми головками ногтей только-только просыпаются и уже немножечко подрагивают.

На правом берегу собралась шумная толпа ребят. Знакомых среди них юноша не увидел. Те забавлялись тем, что запускали плоские камешки по водной глади и громко отсчитывали, чей подскочит большее число раз. Лучше всех это получалось у самого крикливого долговязого юнца.

- Чем они так весело увлечены? – спросил Вахтанг. – Отсюда мне не разглядеть.

- Запускают бляшки, – ответил мальчик и, подобрав гладкий камень, склонился над водой, чтобы прицелиться.

- Нет, не вздумай, Отари. Тебя не поймут, – взволнованно предостерег Вахтанг.

Он оказался прав. Не успел парнишка опустить руку, как увидел, что на том берегу долговязый завертел над головой пращой и с победным кличем запустил камень. Увесистый голыш со свистом полетел в их сторону. И в тот самый момент, когда камень достиг берега, Отари выпрямился и ощутил удар в голову. Кровь залила лоб, он покачнулся и, упал бы, если б не цепкие пальцы Вахтанга, успевшие ухватить его за рубаху.

- Это был мой камень, а ты подставился, – сокрушаясь, произнес мужчина. – Что же они творят, неразумные? Теперь тебе, сынок, необходима срочная медицинская помощь.

- Обойдусь холодной водой, – морщась от боли, усмехнулся юноша и, опустившись у берега на корточки, обмыл голову и лицо.

Вахтанг оторвал лоскут от своей майки и, перевязывая раненного паренька, продолжал возмущаться:

- Это я для них недруг, а не ты. А ведь, возможно, что именно этому паршивцу я дал пропуск в жизнь. Да и не только ему. Каждого третьего ребенка, родившегося там за пятнадцать лет до начала этой проклятой войны, принял я в нашем роддоме.

- Может, и меня тоже? – робко спросил мальчик, толкая коляску в гору.

- Вполне могло быть, – Вахтанг расправил штанины и, устало откинулся на спинку коляски. – Но это мало вероятно. Ты, Отари, почему-то меньше всего напоминаешь мне местного уроженца.

- Думаете, я из другого города или вовсе не абхаз и не грузин?

- Кто знает, – мужчина, склонив шею, покосился на мальчика и улыбнулся. – А, может, ты, вообще ангел, и в образе юноши послан Богом на эту землю во спасение человечества.

- Ну, да, я рыжий Бэтман – спаситель, – усмехнулся мальчик, – а люди побивают меня камнями. Так, что ли?

- Но ты даже не вскрикнул и не заплакал, – дрогнувший голос Вахтанга, как показалось Отари, вдруг зазвучал голосом деда Амираана. – Ты ничего не помнишь из своего прошлого, потому что у Божьих посланников никогда не было земной жизни. А ты явился в дом той абхазской женщины и утешил ее семью. У нас ты живёшь, как успокоение грузинской матери и ее детям. Ну, чем ты не ангел, Отарик?

- Вот только крыльев у меня нет и летать не умею, – тягостно вздохнул парнишка. – И я боюсь, настанет время, когда и от вас мне придётся: «Анклейф, ингеле, анклейф!»

- Оказывается, ты еще и на иврите говоришь? – удивленно покосился Вахтанг на юношу.

В ответ тот только рассмеялся...

Дома Натэлла, закатив коляску с отцом, тут же во дворе усадила Отари на скамейку. Она обработала ему рану и стала забинтовывать голову. Софико с Нодариком сустились рядом, заботливо подавая то бинт, то вату, смоченную перекисью водорода.

- Ну, как же ты мог так упасть, сыночек? – причитала мать. – И папа тоже хорош, позволил тебе съехать с такой кручи. А ведь и коляска могла перевернуться вместе с ним.

- Отца я удержал, а вот сам загляделся и споткнулся, – оправдывался парень.

Софико с дочерью вошли в дом готовить ужин. Нодарик выскочил на улицу поиграться со сверстниками. А Отари остался сидеть под окном и пытался вспомнить, были ли среди тех мальчишек его недавние братья. «Нет, конечно, их там не было, – решил он. – А иначе, окликнули б меня и не дали так вести себя долговязому. Хотя, кто знает, может, среди своих не решились бы, заступиться за меня. Я же, предав их, уже, наверное, перестал быть для них братом...»

- Чего сидишь один, скучаешь? – на порог вышла Софико с сумкой в руке и направилась со двора. – Загляни к отцу, поговори с ним. А я в магазин схожу за хлебом.

Отари кивнул и продолжал сидеть. И вдруг он услышал тихий голос Натэллы, доносившийся из дому:

- Ну, что, вот так и будем теперь жить в обмане? Все принимают его за нашего, но я-то вижу, и ты, конечно, замечаешь, что это не так...

«С кем это она? – насторожился мальчик. – Неужели с отцом? Значит, Вахтанг выдал меня, а сам уговаривал, чтобы молчал и притворялся...»

- Нодарика жалко, – продолжала Натэлла. – Он ведь искренне думает, что брат нашелся. Но он же ещё ребёнок, что с него возьмёшь? А вот, как могла мама обмануться, не понимаю. Может, с горя уверовала, что это её Отарик. Как же она, бедняжка радовалась в тот вечер и даже плясала...

Парень приподнялся и, заглянув в окно, с распахнутой форточкой, снова присел. Девочка разговаривала со своей Куклой Откровения:

- У него, Боженька, взгляд не родной и улыбка не живая. И всё время, что-то таит в себе. Он жалок мне, как тот клоун, которого мы видели с тобой в цирке, а потом в нашем парке в кофейне, без парика и дурацкого носа. Не угадаешь, где он был настоящим. А я ведь сразу распознала в этом потерянном мальчике чужого, потому и сердце к нему не потянулось. Ох, Господи, как же быть нам с тобой, когда жаль обманувшихся маму, папу и братика? И этого несчастного, прибившегося к нашей семье, тоже жалко...

Отари встал и, пригнувшись, как воришка на чужом подворье, осторожно ступая, направился в сад. В ушах звучал непрерывный голос Натэллы: «Где он был настоящим?..» Сердце билось так, что его гулкие удары отдавались во всём теле. Он подошёл к старой чинаре с дуплом, зияющим на уровне поднятой руки, и присел, привалившись спиной к стволу. Мысли бередившие душу распалляли мозг, а он пытался сосредоточиться на одном: что делать и, как поступить? Теперь выходило, что в заговорщиках оказались не только он с Вахтангом, но и Натэлла со своей глиняной куклой. Бежать отсюда? Ведь во всем происходящим в этой семье виноват он один. Раньше, с того берега они казались ему врагами. Но теперь, разве не враги те, кто разбил ему голову?.. Куда теперь бежать, к кому прибиться? Маленький Нодар, еще как-то смирится с горькой правдой, забудет о нём, как о случайно забредшем в их дом, госте. Но, а, что будет с их бедной матерью?.. Где же я настоящий, кто объяснит?..

- Отарик, братец, – крикнула со двора Натэлла. – Иди, тебя папа зовёт!..

Вечерело. Он встал и направился к дому. Где-то вдалеке послышался женский голос, зовущий своего ребёнка. И в ответ: «Иду, мама, иду-у!..»

25.

Вахтанг лежит на кровати и листает старый альбом с фотографиями.

- Присядь, – он жестом указал на стул. – Приглашаю тебя в нашу семейную историю. Ты, Отари, должен это знать. Вот мой прадед – Георгиевский кавалер, воевавший в русско-японскую войну. А это его внук, старший брат моего отца. Он погиб под Берлином в эту войну. На этом снимке из моей юности – папа, мама и я, студент Ростовского медицинского института.

- А почему вы выбрали такую профессию, – мальчик всматривается в незнакомые лица, – а не стали каким-нибудь военным врачом?

- В детстве, Отарик, я слышал, как при родах умирала моя тётя. Помочь ей было некому. В ту пору не было в нашем городке ни одного специалиста по женской части. А она, умирая плакала: «Спасите хотя бы ребеночка. Я-то уже пожила...» А пожила она всего-то каких-то двадцать с небольшим лет.

- Не спасли?

- Обоих похоронили, – вздохнул Вахтанг и закрыл альбом, – тётю в могиле, а сыночка в её чреве. Никого не осталось после них. Мне думается, что покидать этот мир легче человеку, сполна завершившему свои земные дела. И невыносимо тяжело уходить, осознающему, что он еще способен оставить после себя нечто доброе и значимое на этой земле.

- Или, хотя бы родить ребенка, – мальчик осторожно положил альбом на тумбочку.

- И не просто родить, Отари, а вырастить достойное потомство. Если, конечно, на это хватит сил и здоровье, – Вахтанг стал с хрустом разминать свои онемевающие пальцы. – Но бывает, живёт себе, к примеру, сильная и ладная, но никогда не рожавшая, красавица, или прозябают в своих кабинетах мудрейшие ученые, поэты, музыканты, а их никто не замечает. Девушке не предлагают выйти замуж, а труды талантливых людей не печатают и не исполняют. И представь себе, что одни от такого равнодушия, в отчаянье кончают собой в надежде, что так они напоследок обратят на себя хоть какое-то внимание. Но зачастую, и эта крайняя жертва оказывается напрасной. В общем, конец один: старение, неизвестность и окончательное забвение...

- Вам-то, с чего горевать? – Отари сочувственно прикоснулся к руке инвалида. – Выздоровеете и снова будете работать в какой-нибудь больнице.

- Наверяд ли, парень. До того дня, как ты здесь появился, у меня еще был смысл поддерживать в себе жизнь. Я жил ожиданием, но пришел ты и надежды мои истощились. Правда, к тебе я уже привык, и теперь могу уйти, вроде, успокоенным тем, что семья моя будет жить безмятежно... Странное дело, с чего это я так откровенен с тобой?

- Наверное, потому что я чужой. А я же, дядя Вахтанг, если сказать честно, пошел за Софико тоже со своей надеждой.

- С надеждой, что ее материнская вера в тебя окажется правдой? – мужчина поднял на Отари долгий испытывающий взгляд. – Но ведь шёл ты сюда с опаской? А иначе, зачем прихватил с собой пистолет? Или он игрушечный?

- Настоящий, – парнишка с удивлением широко раскрыл глаза. – Но вы же его не видели?

- В первый день, знакомясь с тобой, я случайно нащупал его у тебя за поясом. Покажи.

- Я его спрятал во дворе.

- А если дети найдут?

- Они боятся дупла в старой чинаре.
- Отдал бы мне его. Тебе малому оружие ни к чему.
- А вдруг пригодится?

Скулы на лице Вахтанга вдруг напряглись, вены на его жилистой шее вздулись.

- Стрелять во врагов? – мужчина медленно развел рубаху на груди. – Ты же, пришедший оттуда, и меня, видно, считаешь таковым. Разве, не так? Ну, что ж, малыш, приступай. Исполни своё возмездие и беги отсюда.

- Нет, дядя Вахтанг, – юноша невольно отшатнулся от ледящего взгляда немощного человека, – вы не враг, вы доктор...

- Но я лечил гвардейцев, – сдавленно зашептал мужчина. – И, возможно, одного из тех, кто стал причиной всех твоих несчастий: сиротства, бродяжничества и, в конце концов, беспамятства...

- Вы же ни кого не убивали, – умоляющий голос Отари уже готов был сорваться на всхлипы. – Значит, вы ни в чём не виноваты...

Вахтанг дрожащими пальцами застегнул на груди пуговицы и заговорил успокоенным тихим голосом:

- Мы всегда, сынок, будем виноваты и должны отвечать за тех, кто пришел убивать. Мы промолчали и не заступились за жизнь, когда из-за реки явилась смерть. И, конечно же, из-за нашего молчания пропал мой сын, а ты превратился во Фридона, Отарика, Соломона и, вообще, неизвестно, в кого.

- Я и в правду не знаю, кто я настоящий, – шмыгнул носом парень, сдерживая, рвущийся наружу плачь.

Вахтанг опустил ладонь на его колено.

- Прости и успокойся. Прости, что вынуждаю тебя жить чужой жизнью. Но и ты пойми отцовское сердце и материнскую боль. Может быть, в этот час и наше дитя где-то мается блуждающей звёздочкой, не помня себя настоящего.

- Понимаю, – Отари по-детски утёр нос тыльной стороной ладони. – Но пистолет я вам, всё равно, не отдам.

- Ладно, агнец, иди и не обижайся на меня.

У двери парнишка обернулся:

- Думаете, я не понял, зачем он вам нужен?

- Ну и, зачем же? – мужчина настороженно вскинул брови.

- Я обо всём догадался. Вы не верите в своё выздоровление, и решили избавить семью от себя. Но я, дядя Вахтанг, уже подружился с вашими детьми, сплю с ними под одной крышей, обедаю с ними за одним столом, как с родным. Я сочувствую их, тронутый умом матери, которая радуется мне, как собственному ребенку. Как же я после этого могу стать причиной еще одного их горя?

Мужчина отвернулся к стене и крепко смежил веки, не желая показывать парню слёз своего отчаянья и стыда за своё малодушие...

Этой ночью юноша твёрдо решил бежать из дома Вахтанга и Софи-ко. Далеко за полночь, когда все уснули и лай соседских псов прекратился, он достал из-под кровати пакет и переоделся в свои прежние вещи. Новую одежду, он аккуратно сложил в изголовье, а туфли поставил рядом с тумбочкой.

В коридоре на трельяжном столике увидел при лунном свете глиняного человечка и склонился над ним.

- Ну, что, Боженька, только с тобой я и смогу проститься, – зашептал он, – потому что ты умеешь молчать. Ты поймёшь меня, ведь мы с тобой, не имеющие настоящих лиц, так похожи друг на друга. Прощай...

Со двора он завернул в сад, подошел к чинаре и, достав из дупла пистолет, сунул его под рубашку за пояс. Беглец спешно приближался к реке. Достигнув середины моста, он остановился и, зашвырнув в воду пистолет, взглянул на замерший над ночным горизонтом бледный серп луны. Глаза его были полны слёз. Солёные капли стекали так обильно, что он слизывал их с губ кончиком языка. Глубоким вдохом он вобрал в себя побольше воздуха и из груди его вырывался долгий, надрывной крик. Человеческий голос без слов, будто вопрошал холодное светило, разом на всех языках, какие он знал: «Мама, кто я?!» И почудилось ему, что на его крик ответило эхо: «Беги, душа моя, беги!..»

А с того берега, и в правду, донёсся чей-то окрик. Юноша слов не разобрал, а в подошедшем к нему бородатом мужчине узнал местного лесника.

- Ты, чего тут раскричался спозаранку, внук Амирана, никак заблудился? – Еремей взял парнишку под руку. – Значит, ты сбежал с того берега и к этому не пристал? Тогда пошли со мной.

- Но там осталась блаженная мама Софи-ко.

- А здесь страдает твоя мама Бабуца, – егерь настойчиво потянул парня за собой на тропу, ведущую к лесу.

- Ну и чей же я сын?

- Ясное дело, ты дитя человеческое.

- Вроде бы, так, – мальчик шмыгнул носом. – Ну, и, куда мы сейчас?

- Поживем в лесу, пока взрослые разберутся.

- И, когда же они разберутся?

- А это уже, как их Бог надоумит.

- А, кто еще живет с вами?

- Три овчарки и я. А еще был у меня приёмыш – прирученный волчонок, но он, видно, сбежал от меня. Вот я и ищу тут по-над берегом своего пропавшего.

- А я сам вернулся, дядя Еремей, – грустно улыбнулся юноша, вспомнив пристреленного волка.

- Но, тот был серой масти, – усмехнулся егерь.

- Ну и, что? А я вот масти рыжей.

- Что ж, пошли, найдёныш. Теперь у нас с тобой одна дорога...

Оранжевое солнце осеннего утра давно уже поднялось из-за горизонта, осветив умиротворённый край Аpsны. Над дальними горами медленно проплывали серебристые облака. А рыжеволосый юноша, вновь обретший надежду на счастье, шагал и улыбался, глядя в чистое бирюзовое небо...